

АЛЕКСАНДР СТАРШИНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Легionario

Легионер

Александр Старшинов
Легионер. Век Траяна

«Автор»

2010

Старшинов А.

Легионер. Век Траяна / А. Старшинов — «Автор»,
2010 — (Легионер)

Первый век нашей эры. Северной граница Великой Римской империи. Лагерь Пятого Македонского легиона. Восемь новобранцев, зачисленных в разведчики – «спецназ» Древнего Рима. И лучший из них – Гай Приск, новичок, владеющий мечом не хуже ветерана. В прошлом новобранцев много тайн. В настоящем – суровые будни легиона, жестокие схватки с даками. А в будущем... Может быть, слава, может быть, власть... Но наверняка – война. Последняя победоносная война Великого Рима. Война за золото Дакии.

© Старшинов А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Книга I	5
Часть I	5
Глава I	5
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	34
Глава V	49
Глава VI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Старшинов

Легионер

Век Траяна

Книга I

Лазутчик

Часть I

Пятый Македонский легион

Глава I

Новобранцы

Начало лета 849¹ года от основания Рима. Эск. Провинция Нижняя Мезия².

– Кто прислал нам этих цыплят... А? – центурион скептически оглядел стоявшую перед ним восьмерку новобранцев. – Где растят нынче подобных птичек?

– Мы из Италии, – отозвался коренастый крепыш с очень смуглой, темно-оливковой кожей.

– Из Италии? Ты из Италии? – центурион смерил новобранца взглядом с головы до ног. – А я думал – из Нумидии.

Стоявший рядом с темнокожим тощий новобранец громко заржал.

– Как звать тебя, человек из Италии? – продолжал центурион.

– Кука.

– Вернее, Кукус? – центурион ослабил. Было отчего посмеяться – прозвище это означало «Кукушка», а еще – лентяй, лодырь, то бишь крестьянин, который не успевает по весне вспахать землю прежде, чем начнет куковать кукушка.

– Мы все из Италии! – Кука начал лиловеть.

– Значит, вы из Италии! – У центуриона была манера во время разговора обматывать полу своего красного плаща вокруг левой руки. Видимо, привычка возникла после того, как на руке появилось два шрама – один параллельно другому. – Неужели в Италии еще кто-то хочет служить?

Последовала пауза. Довольно длинная. Новобранцы вполне резонно сочли вопрос риторическим. И правильно сделали. Центурион продолжал насмешливо оглядывать вновь прибывших. Они стояли перед ним в запыленных грязных плащах и туниках, дорожные сумки немymi собаками лежали у грязных ног, обутих в драные башмаки с заржавевшими пряжками. Похоже, эти ребята, прибывшие из разных мест, покупали обувь у одного торговца старьем. Но нет, не у всех обувь так уж плоха, вон тот парень в тунике из синего сукна и новеньком сером плаще обут в добротные башмаки. И бронзовый кошелек у него на запястье наверняка хранит несколько золотых монет. Только сам он – желторотый птенец, тощ, узкоплеч, ростом

---

¹ 96 год н. э.

² Территория современной Болгарии (см. карту в приложении).

едва дотягивает до нужной нормы. Кто только мог его завербовать? А, ну да, Сульпиций, как значится в сопроводительном письме. Этим все сказано! Вербовщик ищет особых парней. Ну, совсем особых! В прошлый раз прислал двух рабов вместо римских граждан. Хорошо, разобрались, чья вина, отправили «охотников» обратно, а то бы могли и распять как беглых. Но этот худенький парень на раба не похож – черты истинно римские, нос с горбинкой, мочки ушей не проколоты, глаза карие. Светлокож, правда, как галл, но ведь и среди римлян бывают совсем белотелые, говорят, божественный Юлий имел кожу белую, как снега Альп. Ну, на то он и Божественный Юлий! А галлов и германцев среди римских граждан теперь полным-полно.

– Так вот я, центурион Валенс, спрашиваю вас, желторотые, – повысил голос центурион, – за какими сокровищами потянуло вас сюда, в Мезию, на Данубий, в наш забытый богами лагерь? В ледяной холод и мерзкую слякоть зимой, в дикую жару летом из прекрасной, возлюбленной солнцем и богами Италии?

Белокожий паренек недоуменно приподнял бровь. Уж от кого-кого, а от этого ветерана лет сорока, обветренного и покрытого шрамами, меньше всего ожидали новобранцы услышать такие речи. Они-то полагали, центурион должен ругаться, как гладиатор; чуть что, охаживать палкой бока и задницы новобранцев и постоянно орать.

– Легион Пятый Македонский, прославленный верностью, Урбана, то есть городской, создан в Риме, самый лучший... – ответил «цыпленок» в синей тунике. Тон явно был дерзким.

– А-а... – многозначительно протянул центурион. И сморщился, как будто увидел что-то ну очень мерзкое. – Вранье.

– Разве это не Пятый Македонский... нам сказали ехать сюда... здесь лагерь... – угодил в нехитрую ловушку темнокожий крепыш. – Как раз у впадения реки Эск в Данубий. Дорога ведет прямая из Филиппополя³.

– По названию легион Македонский, по основанию – римский истинно, а, по сути, давным-давно варварский. С тех пор как его перевели сюда с Востока. На латыни здесь говорят так, что не сразу поймешь. А ты, цыпленок, наверняка Цицерона читал? – повернулся центурион к белокожему.

– Читал. Это плохо?

– Ничего хорошего. Для тебя. Значит, так, сегодня я вам разрешаю вякать, что в голову взбредет. Но с завтрашнего утра отвечать только по моему приказу. Ясно?

– Ясно... – в разнбой и не сразу отозвались новобранцы.

– Эй, Мурена! – кликнул центурион здоровяка лет тридцати, знаменосца когорты⁴, – если судить по накидке из волчьей шкуры. Правда, штандарта при нем сейчас не было, да и искусно выделанная волчья башка болталась за плечами вместо того, чтобы покрывать голову. – Отведи их к себе, пусть Габур всех перепишет и заберет письма, у кого есть. Прихвати Кубышку для осмотра цыплят, сдастся мне, здоровьем их боги наградили не самым крепким. Деньги, кроме мелочи, примешь на хранение. Учти – ребята мои. Будет кто из начальства что говорить – сразу к Декстру, а еще лучше – к легату легиона⁵. Теперь слушать внимательно, – центурион вновь повернулся к новобранцам. – Два раза не повторяю. Итак: в счет жалованья всем выдадут одежду и оружие. Вас восемь... отлично, будете жить в одной комнатке в бараке. Сегодняшний вечер ваш. И ночь ваша. Завтра поутру в первую дневную стражу⁶ всем в лагерь. Теперь марш за Муреной!

Новобранцы в самом деле попытались изобразить этот марш... то есть шагать, как шагают ветераны-легионеры. Но тощий парень тут же сбился с шага, едва не упал, Кука

³ *Филиппополь* – современный Пловдив в Болгарии.

⁴ *Когорта* – подразделение от шестисот до тысячи человек. В легионе десять когорт, первая когорта – в тысячу человек.

⁵ *Легат легиона* – командир легиона.

⁶ Время в лагере делилось по стражам – четыре стражи ночные, четыре – дневные.

наградил его тумаком. Больше всего это походило на возвращение дружеской компании с веселой вечеринки. Впрочем, центурион был к новобранцам несправедлив. Не все казались дохляками и слабаками. В рядах «славной восьмерки» взгляд сразу наткнулся на здоровяка с бычьей шеей и квадратными плечами. Центурион готов был поспорить на свое годовое жалованье, что друзья уже нарекли этого парня Малышом или Малявкой.

– Видели у него шрамы на руке? – шепотом спросил Кука. – Интересно, почему центурион остался в бою без щита? Размахивал своей палкой, полируя спины нерадивых бойцов?

– Иди, спроси у него, раз такой умный, – отозвался тощий парень с длинной жилистой шеей, на которой безобразно торчал острый кадык.

– А мы Малыша пошлем! – предложил жизнерадостный пухленький парнишка, явно самый юный в этой компании, и пихнул гиганта в бок. – Пойдешь?

– Прямо сейчас? – Малыш оглянулся.

– Конечно!

Малыш сделал шаг в сторону.

– Ладно, ладно, потом, – смиловился юнец и дернул Малыша за тунику, возвращая здоровяка в строй.

* * *

За новобранцами, стоя возле принципии⁷, наблюдал молодой человек в тунике из желтоватой дорогой шерсти с широкой пурпурной полосой на груди. Сложен он был как Геркулес – высокого роста, широкоплечий, но не красавец: нос – слишком толстый и мясистый, а подбородок, непропорционально маленький, был к тому же изуродован шрамом. Парень явно следил за своей внешностью – волосы его были тщательно завиты, на запястьях сверкали золотые браслеты, небрежно накинутый плащ был такой же новенький и чистенький, как и туника.

Центурион подошел к молодому щеголю и что-то сказал. Что именно, никто из новобранцев не расслышал. Щеголь указал на кого-то из восьми. Похоже, на «цыпленка», которого заподозрили в чтении Цицерона. Валенс обернулся, вновь оглядел пополнение и сказал «нет». Сказал достаточно громко, новобранцы услышали.

– Стоять! – приказал молодой человек, и все восемь замерли. Остановился и Мурена.

Щеголь опять о чем-то заговорил с центурионом.

– Приск, кто это? – шепотом спросил Кука у «цыпленка» в новенькой тунике.

– Судя по всему, военный трибун⁸, из сенаторских сынков. Видишь его тунику с пурпурной полосой? Он трибун-латиклавий, здесь год или два отмается, не дольше, и отбудет в Рим делать карьеру.

– Что ему надо? – Кука прищурился. Он не любил щеголей с завитыми волосами.

– Ищет компанию для игры в мяч! – предположил Приск.

Тем временем трибун и центурион направились к ожидавшим команды новобранцам.

– Нам обещали не меньше сотни этой весной, насколько я помню, – расслышали они насмешливый голос трибуна. – Разве восемь равно сотне?

– Надо же... – изумился Приск, – выговор у него провинциальный. А я думал, парень из столицы.

– Вербовщик Сульпиций, чтоб его сожрали стигийские псы, должен был набрать пятьсот человек в Сирии, для нас – не меньше сотни, – разъяснил ситуацию центурион Валенс.

---

⁷ *Принципия* – штаб легиона.

⁸ *Военный трибун* – старший офицер в легионе. В I веке н. э. трибун-латиклавий обычно занимался штабной работой. Хотя бывали исключения.

– Видимо, подцепил этих ребят где-нибудь по дороге в ближайшей таверне, – продолжал упражняться в остроумии трибун.

– В Неаполе! – гордо выкрикнул Кука.

– Молчать! – рявкнул центурион. – Молчать, пока не спрашивают.

– Подожди, не надо кричать! – одернул центуриона трибун-щеголь. – Я как раз их спрашиваю. Это вы нашли вчера убитого легионера?

– Мы! – отозвался Кука, взявший на себя обязанности старшего в этой восьмерке.

– Кто именно?

Новобранцы переглянулись.

– Все вместе! – опять ответил Кука. – Отошли с дороги, смотрим, лежит.

Ясно было как день: шли они, шли, решили отлить. У обочины неудобно, сунулись в кусты, там-то и увидели торчащую из-под веток ногу в солдатском башмаке. И запах учуяли: пролежавший два дня в кустах труп изрядно пованивал.

– У него на руке татуировка была Пятого Македонского, – сообщил Приск. – Сообразили, что легионер, вот и принесли тело в лагерь.

– Кто из вас может показать место? – центурион и военный трибун разом уставились на Приска.

– Я могу, – сказал тот.

– Ты, я смотрю, парень сметливый, – заметил трибун. – Мне как раз нужен новый секретарь.

Приск не ответил, уставился на кирпичную стену принципии.

– Оставь его, Адриан, они все неучи, – ответил за новобранца Валенс. – К тому же это будущие быки Декстра. Или ты забыл?

– Быки Декстра? – трибун опешил. – Вот эти? – он расхохотался. – Да это скорее молочные телята. Ох, не могу...

– Выпиши себе нового секретаря из Греции, – сухо сказал Валенс.

– Учту, спасибо за совет. Нет, мне надо немедленно пойти на охоту и убить кабана, иначе я буду хохотать до самого вечера! – Адриан вновь окинул небрежным взглядом мальчишек, после чего последовал новый взрыв смеха.

Наконец, с трудом справившись с неуместным весельем, Адриан помахал в воздухе рукой и направился к одному из домиков, предназначенных для военных трибунов.

– Неженка, – буркнул тощий.

– Как звать тебя? – остановился перед злопыхателем центурион.

– Скирон.

– Так вот, Скирон, военный трибун Элий Адриан отличный солдат. Никому из вас, тупицы, не советую называть его неженкой. Всем ясно?

– Ясно! – на разные голоса, кто громко, кто почти шепотом, отозвались новобранцы.

– Понятливые, – хмыкнул центурион.

* * *

Лагерь Пятого Македонского легиона построен был на совесть – бараки каменные, крытые черепицей, которую делали тут же – в мастерской в канабе⁹. Имелись бани, несколько уборных с проточной водой, мастерские, пекарня и кухни, амбары, склады, госпиталь с банями. Все улицы лагеря были недавно вымощены, вот только перед принципией плитку клали зимой, теперь ее в двух местах вспучило, и надо было срочно перекладывать. Правда, в отличие

---

⁹ *Канаба* – поселок при лагере. Лагерь Пятого Македонского легиона был построен на правом берегу реки Эск (современный Искыр в Болгарии). Канаба Пятого Македонского легиона располагалась южнее военного лагеря.

от многих других лагерей, этот имел неправильную форму пятиугольника¹⁰, поскольку был построен на месте фракийского поселения, а римляне попросту укрепили и нарастили часть старых стен.

Знаменосец провел новобранцев через украшенные колоннами ворота принципии в просторный двор, а оттуда в хранилище знамен. Здесь в прямоугольном зале на деревянном помосте стояли позолоченный легионный орел на древке, обмотанном серебряной проволокой, а также имаго – лик императора Домициана, опять же на богато украшенном древке. Остальные штандарты – знамена когорт и центурий сейчас были заперты в хранилище – вдоль задней стены виднелись двери с номерами когорт. Здесь же, в зале, стояли два стола и деревянные скамьи. Да еще с невысокого постамента с недавних пор взирала на солдат строгим взором мраморная статуя – воплощение Дисциплины.

– Статую для нашего легиона заказал в Греции трибун Элий Адриан, – сообщил громко, так что эхо разнеслось по просторной зале, знаменосец Мурена.

Корникулярий¹¹, щеголявший новеньким, начищенным до солнечного блеска шлемом с рожками, явился почти сразу же вслед за знаменосцем, отпер дверь в соседнюю комнату, принес оттуда бронзовый сундучок с документами. Судя по всему, в сундучке хранились рекомендательные письма и реестры легионеров.

Писец Габур и медик десятой когорты Меттий, в легионе прозванный Кубышкой за круглую физиономию и солидный живот, прибыли на зов не так спешно. Писец долго рылся в кожаном футляре, отыскивая подходящий куски пергамента для нового реестра и личных дел. Не найдя чистого куска, писец пемзой счистил ненужный на его взгляд текст со старого свитка, заточил тростниковое перо и приготовился записывать. Тем временем новобранцы сбросили одежду, всю, кроме набедренных повязок, и сняли башмаки.

– Что скажешь об этих ребятах? – обратился знаменосец к медику.

Тот осмотрел полуголых мальцов критическим взглядом, точь-в-точь повар, которому предстоит приготовить из замороженных синих тушек шикарный обед для гурмана.

– Да уж... говорят же, пусть же юноша, которому предстоит отдаться делу Марса, будет с прямой спиной, с широкой грудью и мускулистыми плечами, – серьезным тоном проговорил Кубышка, кусая при этом губы, чтобы не рассмеяться.

– С умеренным животом, – подсказал знаменосец. – Ну, хотя бы это требование соблюдено.

– Задние части у него не должны быть излишни от мяса, – медик уже давился от смеха, с удовольствием цитируя наставления.

– Да хватит вам! – примирительно буркнул писец.

– Ну, ты, первый, – указал Кубышка на смуглого здоровяка.

– Тит Клавдий Кукус, сын Тита, – рывкнул темнокожий, выпучив глаза. – Из Неаполя.

– Возраст?

– Двадцать лет. Я родился в седьмое консульство императора Веспасиана и пятое Тита Цезаря¹².

– А сейчас чье консульство? – поинтересовался знаменосец.

– Консульство в этом году было у Манлия Валента и... Антистия,... кажется.

– А в прошлом году кто был консулом?

Кука растерянно оглянулся. Приск что-то хотел шепнуть, но знаменосец пригрозил ему кулаком.

---

¹⁰ Классический римский лагерь имел форму прямоугольника.

¹¹ *Корникулярий* – младший чин, обычно помощник старшего офицера или заведующий канцелярией.

¹² 76 год н. э.

– Не важно, кто консул, главное – императором у нас господин и бог Домициан! – тут же нашелся Кука.

Писец громко расхохотался. Знаменосец остался невозмутим.

– Грамоте обучен? – спросил Мурена. – Пароль будешь получать на табличках. Не разбираешь – пеняй на себя.

– Э, да я читаю, что твой Цицерон! И по-гречески знаю.

– Это я проверю. Выдам каждому текст и устрою читку.

– «Энеиду?» – спросил Приск.

Знаменосец лениво повернул голову в сторону шутника, в ответ тот невинно округлил глаза. Новой реплики не последовало.

– У нашего Кубышки для этой цели книга эпиграмм Марциала имеется, – сообщил знаменосец. – Кто не прочтет, того велю высечь да выгнать с позором.

Медик первым делом подвел первого новобранца к столбу с отметиной – проверить, дотягивает ли темнокожий италиец курчавой головой до прибитой планки в пять с половиной футов¹³. Чтобы перекрыть метку, Куке пришлось чуть-чуть привстать на цыпочки, правда, самую малость. Медик это заметил. Заметил и знаменосец, но промолчал.

– В калигах¹⁴ будет самое то, – хмыкнул писец. – Двойную подметку набьет.

– Итак, записывай, рост минимальная норма, кожа темная, волосы курчавые, зубы крупные... особые приметы... – медик придирчивым взглядом оглядел тело. – Волос на теле нет.

– Он их выщипал, – сказал кто-то из новобранцев.

Все прыснули.

– Тихо! – рявкнул знаменосец Мурена, сидевший за столом со скучающим видом и с полуприкрытыми глазами.

– Телосложение крепкое, никаких дефектов на теле. Зубы целые, – закончил свой осмотр медик.

– Кто твой отец, Тит Кукус? – спросил писец.

– Тит Клавдий Кукус из Неаполя, у него торговля железным товаром. Самая лучшая лавка в нашем городе. А может и во всей Италии.

– Папаша отпустил тебя в легион?

– Да, он выбирал из нас, троих сыновей, кого отправить на службу, и жребий пал на меня. Сказал, Тит, ты будешь примипилом¹⁵, я верю!

– Не подброшенный? – вновь приоткрыл глаза знаменосец, да так и впился в смуглое лицо новобранца взглядом.

– Подброшенный? Да из нас троих отец меня больше всех любил! – парень вдруг сделался лиловым.

– Отец у тебя тоже смуглый? – поинтересовался писец. Однако ничего не записал и переглянулся с медиком. С этим Кукой явно было что-то нечисто, и повидавший немало новобранцев медик это чувствовал, будто охотничий пес след кабана. Чувствовал и знаменосец, потому спрашивал, но попытывался без азарта, с ленцой, как будто не хотел обнаружить что-то позорное.

Здесь, на границе, рано или поздно разразится война, не будет мирно царь Децебал сидеть за рекой; не в этом году, так в следующем нагрянут его даки в провинцию, так что в данном случае не стоит особенно усердствовать. Пусть Юпитер следит за исполнением клятв, а люди сделают вид, что верят на слово.

Посему медик отрицательно покачал головой.

---

¹³ Римский фут – мера длины, примерно 0, 296 метра. Рост легионера по разным данным должен был превышать 172 см или 175 см.

¹⁴ Калиги – солдатские башмаки с толстой подметкой, подбитой гвоздями.

¹⁵ Примипил – первый центурион первой когорты, высший чин среди центурионов.

– Мой отец – один из лучших воинов Рима! – заявил Кука, изо всех сил стараясь поднять пошатнувшийся авторитет.

– Видимо, наш парень – незаконный сын императора Тита, разрушителя Иерусалима! – писец решил, что наступил его черед шутить.

В комнате сделалось тихо, только слышалось, как гудит залетевшая с улицы муха.

– Язык-то прикуси, – хмуро буркнул знаменосец, – а то сделаю тебе пометку в личном деле, что не те разговоры ведешь.

Писец ничего не ответил, поджал губы, место у него было теплое, немаятное, и если найдется другой грамотей, вмиг турнут из архива. Писец глянул на парня в синей тунике. Вот этот, к примеру, вполне вместо тяжелого меча может взять в руки легонький стиль¹⁶.

– Еще один вопрос! – внезапно спохватился знаменосец. – Рисовать умеешь?

– Самую малость. Пробовал голых теток в Байях рисовать, вроде получалось.

– Значит, умеет, – хмыкнул Кубышка. – Только кому это надо?

– Декстру, – сказал знаменосец. – Деньги на хранение сдаешь?

Тит Кука отрицательно покачал головой.

– У меня с собой ни асса¹⁷! – признался он.

– Осмотр окончен, – махнул рукой Мурена, а писец сделал пометки в реестре. – Жди испытаний в грамотности.

Вторым на осмотр вышел худой и длинный парень с острым кадыком. Он назвался Децимом Веллием Скироном, братом легионера из Первого Итальянского легиона. Скирона Старшего знаменосец знал неплохо – лагерь Первого Итальянского находился по соседству, в Новах. Так что вопросов Скирону не задавали. Просто замеры рост, записали приметы (шрам на спине слева, родимое пятно на плече и плохие зубы, двух уже не хватало).

– Еще один справа внизу тоже придется рвать, – «обрадовал» солдата медик.

Теперь настал черед поклонника Цицерона Приска.

– Гай Острий Приск из города Комо! – Приск выложил на стол перед писцом рекомендательное письмо – на пергаменте, запечатанное.

– От кого оно? – спросил подозрительно писец, разглядывая печать.

– От Гая Плиния Цецилия Секунда. Он из Комо, как и я. Плиний сообразовал дать мне письмо, когда приезжал в свое имение в Комо.

– Сам Плиний? Сенатор? – хмыкнул знаменосец. – Неужто для тебя, старина¹⁸, не нашлось местечка потеплее?

– Я хотел именно в легион.

Писец тем временем сломал печать и прочитал послание Плиния.

– Рекомендации самые лестные.

– Рисуешь?

Приск кивнул и почему-то покраснел до корней волос.

– Деньги сдаешь? – знаменосец покосился на бронзовый кошелек парня, который тот положил на скамью вместе с одеждой.

– У меня два золотых, десять серебряных денариев и еще несколько ассов.

– Денарии и золото сдать, ассы оставь.

– Это почему сдать? – вскинулся Приск.

– Чтоб в канабу не бегал к шлюхам в первые дни, да в таверне не надирался местным вином. Как закончишь учение, будешь больше себе оставлять.

---

¹⁶ *Стиль* – остро заточенная бронзовая палочка для письма на воске.

¹⁷ *Асс* – медная монета. Основная монета счета в Древнем Риме – сестерций. В это время сестерций чеканился латунный. Один сестерций равен четырем ассам. Четыре сестерция – это уже один денарий. Один аурей (золотой) равен ста сестерциям.

¹⁸ Третье имя героя (когномен) Приск означает старый, древний.

Приск нехотя высыпал содержимое кошелька на стол перед знаменосцем, тот отделил золото и серебро от медяков и латунных сестерциев. Денарии и золото пересчитал и ссыпал в свой сундучок, поставив против имени Приска в реестре число «ССІІ». Остальное сдвинул к краю стола.

– Погоди! – вспомнил вдруг писец, когда парень уже оделся. – Ты не назвал год, в котором родился.

– Год консульства Домициана Цезаря в седьмой раз. То есть год 833-й от основания Города¹⁹, – уточнил Приск.

Медик прищурился. Ему показалось, что парень старше – но кто знает, может быть, он в самом деле такой сосунок. Плечи у него были как у подростка.

– Ладно, можешь идти! – махнул рукой знаменосец.

– А как же проверка грамотности?

– Топай, сказано! У тебя на лбу написано, что ты не только у грамматика, но и у ритора успел поучиться.

«Небось, и цитатку на греческом вставить может», – добавил про себя знаменосец.

Но выяснять, почему этот парень, явно не из простой семьи, выбрал карьеру легионера, у Мурены желания не было. Прикажут вызнать – тогда вытряхнет из парня душу, а нет – пусть дает присягу и служит.

Да, с таким лучше не болтать лишнее. Мало ли что может ляпнуть молокосос: вдруг добавит, что Домициана прозвали грабителем за страсть убивать подданных и присваивать себе состояния. В нынешние времена, если кто из богатеев хотел оставить хорошее наследство детям, непременно должен был завещать императору половину имения. Правда, знаменосца мало волновали проблемы богатеньких столичных жителей. Он свое состояние зарабатывал потом и кровью. Состояние! Ха... Перспектива после двадцати пяти лет службы простая: купить землю близ Эска да дрожать каждую зиму, ожидая набега даков из-за Данубия. Прошлой зимой опять четыре поместья разграбили и сожгли дотла...

Мурена вздохнул.

* * *

После осмотра оставшиеся семеро уселись за стол и по очереди принялись читать выданную знаменосцем книжку. Сборник эпиграмм Марциала был так затрепан, что любой библиотечный свиток позавидовал бы его популярности.

Приск вышел из здания святилища и остановился. Идти одному в барак без сотоварищей не хотелось, но и толкаться просто так на площадке перед принципией тоже было неловко.

Он огляделся и тут же увидел, что к нему идет Адриан и вслед за трибуном – высокий загорелый мужчина в красной военной тунике, поверх которой был наброшен серый грязноватого вида плащ. У здоровяка были светлые соломенные волосы и глаза, прозрачные как лед и такие же холодные.

– Вот этот. – Адриан указал на Приска.

– Покажешь мне место, – приказал белобрысый. Окинул внимательным колющим взглядом новобранца и добавил: – Имя.

– Приск. Гай Острий Приск.

– Ездить верхом умеешь?

– Могу.

– Пошли.

---

¹⁹ 80-й год нашей эры. Оптимальный возраст для набора в легион – двадцать лет. Набор обычно производили с семнадцати. Но бывали случаи, когда в легион попадали в четырнадцать и даже в тринадцать лет.

– Не задерживай долго парня, Декстр, у новобранца последний свободный вечер, – напомнил Адриан.

– Если не свалится с лошади, не задержу.

«Быки Декстра», – вспомнилась тут же Приску странная фраза центуриона.

Белобрысый вывел из конюшни двух оседланных лошадей – рыжую крепкую кобылу и вороного, уже немолодого, но бодрого жеребца. На жеребца вскочил сам Декстр, даже не прихватывая рукой одно из рожек луки²⁰ – Приск тут же оценил ловкость наездника и красоту его посадки. Юноша забрался в удобное кожаное седло без труда, но и без особой грации.

Когда выбрались на дорогу, ведущую в Филиппополь, белобрысый поскакал первым, Приск за ним. Спустя милю они осадил лошадей и поехали шагом, внимательно оглядывая деревья и кусты справа от дороги.

– Я запомнил, что акведук еще не был виден, когда мы нашли тело. Там еще недалеко рос большой дуб с раздвоенной вершиной, – сказал Приск.

– Хороший ориентир, – похвалил Декстр.

Юноша не пропустил место. Да и трудно было его пропустить – ветви кустов были смяты, трава вытоптана: как будто на дорогу выломилось стадо носорогов. Декстр привязал к дереву своего жеребца и проверил, правильный ли узел затянул на поводьях Приск.

Потом пошли осматривать кусты и землю.

Солнечные лучи пронизывали заросли малины, гудели шмели, перебираясь с одного скромного цветка на другой.

– Вот здесь, – сказал Приск, указывая на молоденький дубок, тянувшийся вверх из кустов орешника.

Декстр присел на корточки, развел ветви рукой, тронул палую листву.

– Его убили не здесь, – сказал он наконец. – Сюда его только притащили.

Он пошел в сторону, осматривая листву, трогая ветви, как будто спрашивал у кустов и деревьев: не видели ли чего?

Внезапно Декстр нагнулся и вытащил из середины куста орешника кожаную солдатскую сумку. Ее всю выпотрошили, а потом закинули в кусты. Декстр стал искать дальше и вдруг со странным криком, похожим на клекот коршуна, ринулся вперед. Из листвы выглядывал какой-то продолговатый предмет.

Декстр схватил его, шагнул в пятно света, чтоб внимательнее рассмотреть. Приск невольно потянулся за ним. Теперь он отчетливо различил, что в руках Декстра форма для чеканки. Скорее всего, ее нижняя часть. Более того – если судить по круглому углублению – форма для чеканки монеты.

Декстр резко обернулся и спрятал находку в сумку на поясе.

– Что думаешь? – спросил отрывисто.

– О чем? Кто убил этого легионера? – ответил Приск вопросом на вопрос.

– Убил тот, кто всадил ему два раза меч в спину, – огрызнулся Декстр. – О том, что ты здесь видел – никому ни слова.

– Я ничего не видел, – отозвался Приск. – А сам-то ты кто?

– Так новобранец к центуриону не обращается!

– Центурион? – Юноша опешил. А где же посерберянная лорика, поножи, шлем с поперечным гребнем? Вид у парня был как у водоноса.

– Фрументарий, занимаюсь поставками хлеба, – добавил Декстр.

– Убитый тоже занимался хлебом? – спросил Приск и не смог скрыть издевки.

В следующий миг острие кинжала больно кольнуло кончик его носа. Юноша вздернул голову вверх и привстал на цыпочки, но острие продолжало царапать кожу.

---

²⁰ Седло римского всадника делалось с раздвоенной лукой.

– Придержи язык! Или...
– Понял, буду молчать.
– Болтать вредно. – Декстр убрал кинжал так же мгновенно, как и выхватил из ножен.
«Интересно, я бы успел схватить его за горло и придушить тем приемом, что показывал отец?» – подумал Приск.
Нет, вряд ли. Уж больно парень быстр.

* * *

У здания принципы Приска поджидали все семеро его товарищей. Странно, Приск несколько дней провел с этими парнями в пути, но практически ничего о них не знает. Разве что имена или прозвища.

Кука из Неаполя.

Скирон, брат которого служит в Первом Аталийском в Новах.

Крисп, полноватый увалень, мечтающий получить надел здесь, в Нижней Мезии, после службы. Крисп происходил из крестьянской семьи, которая много лет выживала в соседстве с огромными латифундиями в Кампании, и вот, наконец, разорилась. Отец и братья пошли в арендаторы, а Крисп – в легион, дабы выслужить себе надел и вновь обрести клин собственной земли по выходе в отставку. Об этом он говорил всю дорогу.

Квинт Марий, вообще сосунок, которому только-только исполнилось шестнадцать лет.

Мальш, работавший прежде в мастерской, которая изготовляла строительные краны.

Молчун, этот вообще почти ничего не говорил, даже имя свое не назвал.

Восьмой из них – темноволосый парень с правильными чертами лица. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не слишком густые брови и не постоянно сумрачное выражение лица. Широкие скулы говорили об этрусской крови. Приск мысленно называл его Этрусском. Остальные обычно Этруска сторонились, сами не зная почему, и вопросов ему не задавали.

Едва Приск вернулся, как к новобранцами вышел знаменосец Мурена.

– Ну, что обнаружили? – поинтересовался знаменосец. – Еще пару трупов отыскивали в кустах? Или целую когорту?

Приск пожал плечами:

– Нет, трупов там больше не обнаружили. Вообще ничего нового не нашли. Только трава смята.

– Узнали, кто убил нашего парня? – спросил Мурена.

Приск отрицательно покачал головой.

– Разбойники, – предположил Мальш.

– Даки. Это наверняка, – решил Кука.

– Вы молодцы, что принесли тело, – похвалил знаменосец. – Легионеры своих павших не бросают.

– Это все Приск! – сообщил Скирон. – Он настоял, чтобы мы целую милю тащили тело... – Кажется, Скирон до сих пор из-за этого злился.

– Держите тессеры²¹! – Знаменосец выдал каждому свинцовую пластинку с буквами «LVM». – Можете напоследок повеселиться в канабе.

– Будто гладиаторы перед смертельным боем, – заметил Приск.

– Что?

– Это я так... вспомнил... В театре тоже тессеры выдают. На вино.

---

²¹ Тессера – жетон на получение бесплатного вина, еды или подарка. На тессерах выдавался так же каждодневный пароль караульным в легионе.

– Будет тебе здесь театр! – предрек Мурена. – Пить можно только в одном заведении, что содержит ликса²² Кандид. По этим тессерам вас выпустят лагеря.

– Обратнo-то впустят? – спросил Кука.

– А ты шутник! Приказано явиться в первую дневную стражу. Ты – отвечаешь.

Кука глубоко вздохнул и вскинул руки:

– А мне здесь нравится! А воздух-то, воздух! Так и пьется. Почти Кампания.

– Ну-ну, – хмыкнул Мурена, – посмотрим, что ты запоешь зимой, когда задница в латринах²³ к сиденью примерзнет.

– К зиме один из нас, возможно, умрет, – сказал черноволосый парень, которого Приск называл про себя Этруском. – Или попадет в большую беду.

– Неужто предсказатель? – съязвил Кука. – Гороскопы составляешь?

– Не тебе, – черноволосый еще больше насупил брови. Составление гороскопов было занятием опасным, гораздо опаснее, чем солдатская стезя: Домициан преследовал астрологов и философов то вместе, то попеременно, в зависимости от настроения. А настроение у третьего императора из рода Флавиев менялось часто.

– Мне что предскажешь? – спросил тощий Скирон.

– Судьба твоя извилиста.

– Ха, да ты прям Тиресий! – хмыкнул Кука, сходу награждая приятеля прозвищем на всю жизнь.

– Зря смеешься, – отозвался предсказатель.

В этот момент Приск вспомнил, что остановиться у раздвоенного дуба им предложил именно Этруск, то бишь ныне Тиресий. И отойти в кусты тоже предложил он.

– Ты можешь сделать для меня амулет? – оживился Крисп, полноватый увалень с голубыми глазами.

На шее у него на засаленном шнурке уже позвякивали два серебряных амулета, но он не прочь был повесить на ту же нить третий.

– Нет, – покачал головой Тиресий. – Амулеты не заговариваю и проклятия не насылаю.

– Может, оружие заговоришь? – Крисп явно был разочарован.

– Тренируйся лучше, – усмехнулся предсказатель.

* * *

– Что скажешь? Они в самом деле все свободные и ничем не запятнаны? – спросил Кубышка у знаменосца, просматривая свои записи. – Никто из этих задохликов не вызывает подозрение?

– Все вызывают, – отозвался Мурена, для убедительности выпятив нижнюю губу. – Прежде всего, потому, что вербовал их Сульпиций, а этот завербует кого угодно. Скоро баб начнет нам в легион присылать. Или детей. Разве не помнишь, как в прошлом году он записал к нам двух рабов?

Раб, посмевавший выдать себя за свободного и посягнуть на право римского гражданина служить в легионе, распинался. Это было известно всем невольникам. Так что тем, чье тело безобразили отметины – проколотые уши, следы от ношения рабских ошейников и уж тем более, кому «посчастливилось» за какую-нибудь провинность огрести клеймо на лоб, никогда и не пытались «освободиться» столь опасным образом. Но те, чье тело не носило знаков рабского состояния, время от времени пытались пробиться в легионы, несмотря на все строгости.

– Но эти-то не рабы, – заметил Кубышка.

---

²² Ликса – маркитант, снабженец армии.

²³ Латрины – уборная.

– Это уж точно. Но сдается мне, что Кука – «охотник», подменивший того, кому надобно идти в легион.

– С чего это? – тут же заспорил медик. – Они все из Италии, там уже давно нет набора – только добровольцы. Какой толк «охотнику» подменять собой добровольца? Это же не провинция, где хватают, кого ни попадя и силком волокут в лагерь.

– Ну, не знаю, может, у парня позорное прошлое, ланиста²⁴ там, сутенер. Может, папаша содержит лупанарий²⁵. Или парень сдуру записался в гладиаторскую школу...

– Про гладиаторов не сочиняй – у него на коже ни отметин каленым железом, ни следов бича.

– Послушайте, Декстр велел выбрать восемь человек именно таких – сомнительных, но ловких, знающих грамоту, но которым деваться некуда, и определить к Валенсу, – напомнил знаменосец. – Вот мы и определим этих восьмерых, пусть служат. Они не рабы, остальное меня не волнует.

– Парни обречены? – спросил медик.

– Предыдущая восьмерка вся сгинула за Данубием. Интересно, зачем Декстр потребовал, чтобы эти умели рисовать?

Медик пожал плечами:

– Он большой урод.

– Ты хотел сказать – оригинал, – поправил знаменосец.

– Сказал то, что сказал.

Глава II Ликса Кандид

Начало лета 849 года от основания Рима. Эск. Нижняя Мезия

Хотя постоянный лагерь Пятого Македонского легиона появился в этих местах почти сто лет назад, еще в конце правления Цезаря Августа, поселок при лагере так и остался маленькой канабой и не превратился в настоящий город.

Прибыв в Эск накануне вечером, новобранцы толком не успели осмотреть поселение. Тогда они, потратив больше часа на перебранку со стражей у лагерных ворот и объяснения с вышедшим к ним центурионом, которому передали найденное тело, были рады заскочить в первую попавшуюся таверну. Уже в сумерках они миновали ворота канабы, тут же наткнулись на вывеску таверны «У стены», где поели (весьма скудно) и сразу же завалились спать в холодной и грязной общей комнате. Утром, наскоро перекусив, отправились в лагерь. Так что теперь новобранцы не представляли, где можно в Эске повеселиться. Римляне, обустроивая постоянный лагерь для легиона, позаботились отхватить солидный кусок земли – где и лагерь можно было поставить, и канабу разместить, и еще, чтобы осталось солидное поле для выпаса скота – как для того, что держали обитатели канабы, так и для мулов и лошадей легиона. Имелось еще немного земли под огороды, и под покос – там, в основном возились сожительницы и дети легионеров.

Вход в канабу охраняли четверо солдат из вспомогательной части. Впрочем, охранные обязанности были не слишком обременительны. Один из солдат стоял на галерее башни, трое других, полусонных, расположились внизу, якобы контролировали входящих и выходящих из городка. Стены канабы были деревянные, только башни из камня. Башни выступали вперед, точно так же, как и те, что стерегли ворота военного лагеря, на башнях наверху имелись

---

²⁴ Ланиста – хозяин гладиаторской школы или группы гладиаторов.

²⁵ Лупанарий – бордель.

деревянные галереи, с которых можно было обстреливать противника у самых стен снаружи или уже за воротами – коли прорвутся в городок.

И то: Данубий и граница Дакии рядом, строить даже крошечное поселение без стен было безумием.

– Никак новобранцы, – сказал один из караульных, синеглазый, с сожженным до кирпичного цвета когда-то белой кожей и с белокурыми вихрами, дерзко торчащими из-под шлема.

– Никак галл, – отозвался находчивый Кука.

– Я беленький, ты черный. Из Нумидии?

– Из Неаполя. Легионер, в отличие от тебя. Я беленький, ты – черненький. Что будет, если нас смешать?

– Но-но! – блондин выставил вперед копьё. – Я это не люблю.

– Оставь их в покое! – крикнул солдат с башни. – Пусть ребята повеселятся как следует, прежде чем отведают палки центуриона. Кстати, мальцы, не вздумайте хвататься руками за палку – мигом останетесь без пальцев. Уж лучше по спине и заднице получить, что положено.

– Отбросы арены, – пробормотал Скирон, не придумав более остроумного ответа.

– Э, ладно! – хмыкнул Приск. – Парни наверняка гордятся отметинами на заднице, как другие – шрамами на груди.

– Да уж, лучше получить палкой по заднице, чем палку в задницу, – поддакнул Кука.

В ответ галл, покрасневший как вареный рак, выкрикнул что-то про затраханые задницы цыплят, и добавил еще пару слов на своем языке, однако не слишком громко. Легионер, даже будущий, это – легионер, то есть римский гражданин. А солдат вспомогательных войск – это солдат вспомогательных войск, свободный, но до гражданства ему далеко. И получить его можно только через двадцать пять лет службы.

* * *

Хохоча, гордые выигранной первой битвой, пусть даже эта битва словесная, «цыплята» миновали ворота и направились по мощеной известняковыми плитками улице канабы. Лагерь легиона и этот крошечный городок при нем – жалкие островки *Pax Romana*²⁶, отражения далекой Италии, мутные, расплывчатые, как в плохо начищенном серебряном зеркале. Даже торговля здесь рассчитывала в основном на щедрость и кошельки легионеров – одни являлись в канабу приобрести новую флягу или кошель, другие – серебряную пластину в виде головы оленя или орла для украшения оружия, третьи – бронзовый кубок. Центурионы заказывали для себя самоварные сосуды²⁷ и жаровни, кровати для любовниц, люльки – для незаконных детей. А кожаные штаны или волчьи шкуры приобретали все – с наступлением холодов под одним шерстяным одеялом или плащом спать в бараках невозможно.

Все дома поселка были на одно лицо – с глухими стенами и крошечными окошечками под красной черепицей с клеймами Пятого Македонского, будто под длань легиона встали, под защиту грозного имени. И то правда: если лагеря отдельных когорт и слабые крепости вполне могли стать зимой добычей заречных волков, то лагерь Пятого Македонского и его канабу даки могли осадить, но вряд ли – разграбить.

– А мне здесь нравится! – опять выкрикнул Кука, не ожидавший увидеть подобие маленького городка подле легионного лагеря.

Время было не позднее – лавки открыты. Лавочники, завидев новые лица, наперебой стали зазывать мальчишек к себе – купить новую тунику или подушку, или одеяло, матрас

---

²⁶ *Pax Romana* – Римский мир.

²⁷ *Самоварный сосуд* – сосуд для нагрева воды.

и прочие приятности для повседневной жизни, благо лагерь был постоянный, и к особой строгости жизни не располагал.

– Доблестные воины! – надрылся торговец одеждой. – Сменная туника нужна непременно, иначе от пота ткань сгорит за три дня. Покупайте, у меня самая прочная шерсть во всей Мезии! Есть лен, за полцены отдам!

Парни лишь презрительно выпячивали губы – на новую тунику ни у кого не было денег.

– Еще зайдем! – пообещал Приск.

– Вы что, сдали деньги на хранение? – спросил торговец, и в его тоне явственно послышалось: «Вот простаки, не сумели зажать пару денариев!»

– Местная архитектура не особенно впечатляет, – громко сообщил Кука, игнорируя торговца. – Не иначе префект лагеря²⁸ создал эти шедевры.

Впрочем, один дом выделялся – украшенный по фасаду четырьмя колоннами, в два этажа, как и другие, но гораздо выше соседних. Наверняка внутри две столовые – для большого собрания и для узкого круга друзей, множество спален, просторный атрий²⁹, непременно где-то в глубине – перистиль³⁰ и своя баня.

– Пряма усадьба, – восхитился Кука.

– Это наш ликса Кандид построил, – сообщил подметавший улицу городской раб. – Сразу вижу, вы люди богатые, подарили бы старому Каабу четверть асса на баню.

– В канабе есть баня?

– Целых две. Одна маленькая и ужасно грязная, а другая с большим бассейном и мозаичными полами, но там надо платить целый асс, – сообщил раб.

Приск бросил ему медяк.

– Лучше скажи, есть ли в Эске какая-нибудь харчевня, кроме той, что у входа, – спросил он.

– Да полно. Первая, это та, что «У стены», вы, щедрые господа, мимо нее проходили.

– А другие?

– Есть еще «Полная чаша», но вам туда лучше не соваться. Она ветеранская. Там полным-полно отставников, из тех, кто не обзавелся семьей и не взял надела. Они с утра до ночи обретаются в этой таверне, глаза продрали и мигом туда – сидят до вечера с кувшином вина. Если случайно забредет новобранец, драке быть непременно... – старый Кааб собирал сплетни не хуже мусора.

– Люблю драки! – Малыш выразительно повел плечами.

– А я нет, – буркнул Скирон. – С ветеранами лучше не связываться.

– Вино в тавернах – одни опивки, горячей жратвы ни за что не дождешься. А дерут-то, дерут... будто не баранины кусок заказал, а павлина! – раб попался из говорливых.

Пока парни шли по улице, он тащился со своей метлой следом, не отставал.

– Лупанарий там же, рядом, возле стены, – бубнил Кааб в спину. – Только к тем девчонкам не ходите, они жуть какие грязные. Другое дело заведение для ветеранов. Но туда вас не пустят. Или потребует столько денег, что жалованья за первый год не хватит.

Новобранцы переглянулись. Кааб, разумеется, преувеличивал, но нельзя сказать, чтобы сильно: достоинства таверны «У стены» они накануне вечером оценить успели. Нет, поесть там было можно, но повеселиться – вряд ли. Разве что быстро-быстро надраться до бесчувствия и упасть под скамью. Решено было отправиться в винную лавку. Кааб увязался следом, рассчитывая к медяку добавить пару глотков вина, но Малыш наградил болтливого раба пинком под тощую задницу, и тот мигом отстал.

---

²⁸ Префект лагеря – начальник по хозяйственной части в легионе.

²⁹ Атрий – помещение в римском доме с отверстием на потолке, зала для приемов.

³⁰ Перистиль – внутренний сад.

В винной лавке можно было не только выпить разбавленного кислого вина, но и закутить горячей лепешкой из соседней пекарни. Однако опять же под категорию «хорошо повеселиться» это заведение никак не подходило.

– У меня предложение, – объявил Кука. – Отправимся в гости.

– У тебя есть друзья? – не понял Скирон. – Здесь? И кто же?

– Хозяин таверны. Кандид.

– Не думаю, что он настолько простодушен, – хмыкнул Приск.

– Ничего, как гостеприимный хозяин и самый богатый человек в канаве ликса примет гостей, явившихся из другой части мира засвидетельствовать ему свою дружбу, – заявил Кука.

– Нас не пустят, – покачал головой Квинт Марий, шестнадцатилетний юнец с пухлым детским личиком, даже Приск рядом с ним выглядел вполне мужественно.

Накануне вечером Квинт признался Приску, что пошел в легион из-за того, что его обижали и унижали сверстники, особенно любили обыгрывать его родовое имя, всяк остряк непременно торопился спросить – не доводится ли знаменитый полководец Гай Марий сопляку Квинту родней. Озверев от насмешек, Квинт записался в армию, чтобы доказать свою брутальность, сделаться сильным и непобедимым.

– Никому об этом не говори, – посоветовал Приск.

– Почему?

– Тебя начнут унижать здесь.

– Кто? Ты? Кука? Или Малыш? Мы же друзья!

– Это еще надо проверить. Держи язык за зубами!

Квинт восхитился мудростью Приска и охотно кивнул, но спустя полчаса обо всем рассказал Куке, после чего тут же получил прозвище «Мул Мария»³¹.

* * *

В дом ликсы незваных гостей, как и предсказывал Приск, не пустили. Здоровенный, наголо обритый раб-привратник встал у незваных гостей на дороге, плотиной выставив могучие руки.

– У хозяина пир, никого не принимает. Приходите завтра с утра.

– Вот мы как раз и явились на этот самый пир, что ж ты застрял тут, как редька в заднице! – возмущенно воскликнул Кука.

– Тебя точно не звали.

Кука сделал безуспешную попытку пробиться, но привратник стоял намертво, как Леонид под Фермопилами, и напор Куки об эту скалу разбился, как натиск «бессмертных» Ксеркса.

– Есть выход, – сказал Кука, поднимаясь с мостовой и стирая кровь с губы после неудачной атаки. – Вернее – вход. Забраться на крышу и оттуда через отверстие в потолке спуститься в атрий. Ну-ка, Тиресий, поведай, нам в этом доме ничто не грозит?

– Лоб побереги, – отвечал предсказатель.

– Тогда вперед!

План Куки всем понравился. Выпитое натошак вино ударило в головы. Новобранцы мигом обежали дом, выискивая место, где можно начать штурм.

– Легионеры должны брать приступом любую крепость! – с пафосом заявил Кука.

---

³¹ Гай Марий провел армейскую реформу, фактически заменив призывную армию профессиональной. Его легионеры таскали на себе во время похода не только личные вещи, но и запас пищи, и колья для лагеря, отчего получили прозвища «мулы Мария».

Быстро нашли подходящее место (соседний дом стоял не вплотную), Скирон подставил плечи, Кука кошкой взлетел на спину другу. Третьим им на плечи взобрался Приск, и в следующий миг Гай был уже на крыше. Черепица загромыхала под его башмаками. Вскоре все восемь очутились наверху – Скирона последним затаскивали наверх с помощью связанных друг с другом ремней. Новобранцы оседлали конек, глянули вниз. Стало немного боязно.

– Итак, крепость наша! Тебе, Приск, в награду положен венок как первому, сумевшему вскарабкаться на стену! – объявил Кука.

Выяснилось тут же, что дом построен иначе, чем италийские поместья. Атрия в нем не было, сразу же за небольшой прихожей шел внутренний сад – перистиль с бассейном в центре и галереями со всех четырех сторон.

Именно здесь пробраться в дом было проще всего. Восемь голов свесились с крыши, каждый пытался разглядеть, что там и как – правда ли в доме пируют. Судя по изумительным запахам с кухни, привратник не соврал. Где-то в глубине, видимо, в столовой, слышались женские голоса.

– Вот они! Держи! – раздалось снизу.

Сразу трое рабов выбежали в перистиль.

– Бей! – И Куке в лоб угодил камень. Новобранец заорал и сверзился вниз, увлекая с собой дюжину черепиц.

Следом за приятелем скатился Скирон – то ли потерял равновесие, то ли со страху. Приск спрыгнул сам, остальные застряли на крыше. Приск угодил прямоком в крошечную лужу, что скопилась в каменном углублении, и которую в доме, несомненно, гордо именовали бассейном.

– Вон! За дверь их! – вопил все тот же пронзительный голос, кто-то ухватил Приска за шиворот. Новобранец не растерялся, заехал рьяному рабу локтем в живот, хватка тут же ослабла – охранник явно был не родня Геркулесу.

– Не смей! Мы гости! – крикнул, озлившись, Скирон.

Его никто не слушал: в перистиль ринулся привратник, вторпяк налетел на медную статую быка. Бык этот, символ Пятого легиона, громыхая, слетел с пьедестала и остался лежать на боку, сбив при с ног Приска. Привратник навалился следом, стремясь ухватить дерзкого, но мешал раскоряченными ногами бык. В этот момент с крыши вниз ринулся Малыш, точь-в-точь бревно из катапульты, и заехал привратнику в ухо, так что тот мигом слетел с бронзового быка. Статуя оказалась полой внутри и не такой уж тяжелой, Приск из-под нее благополучно выбрался. Тем временем со стороны кухни прибежали рабы, вооруженные вертелами и палками, но, на счастье новобранцев, в драку вступать не спешили, несмотря на упитанность и широкие плечи. Лишь толстая ключница завопила истошно:

– Грабители!

Действо достигло кульминации, и тогда в перистиль вступил сам хозяин.

В том, что это был хозяин собственной персоной, сомневаться не приходилось. Кто же еще может так выглядеть – дородный, высокого роста, смуглолицый здоровяк лет пятидесяти, в тунике из зеленого сукна, с золотыми браслетами на руках, и в венке, опять же золотом, из ажурных тончайших листьев. Вслед за ликсой прибежали женщины – одна уже немолодая, судя по одежде и прическе – его жена, и две девушки, одна лет пятнадцати-шестнадцати, другая – около тринадцати или двенадцати, совсем юница. Та, что постарше, смуглая, черноглазая, младшая – белокожая, с синими глазами.

– Прекратить безобразие! – рявкнул хозяин.

Малыш, в этот момент сидевший верхом на привратнике и уже занесший кулак, чтобы выдать очередную плюху, замер. Кука попятился и шлепнулся в бассейн.

– Мы не грабители! – опомнился прежде других Приск.

– Это наверняка от соседей, опять явились подсматривать, – заявила матрона. – Как у нас обед, так их люди на крышу к нам лезут.

– А мы их в котел! – хмыкнул толстяк, сочтя шутку удачной.

Малыш рыкнул, решив, что угроза серьезная.

– Будущие легионеры Пятого Македонского легиона приветствуют достопочтенного и щедрого ликсу Кандида! – сказал Приск любезно, но без тени подобострастия, даже чуть покровительственно, как будто он был военным трибуном, а не будущим рядовым легионером.

– Ну, это... у нас твои тессеры, вот мы и пришли... – вылез, наконец, из бассейна Кука.

– Тессеры в кабак, а не в мой дом, – нахмурился Кандид, сообразив, что видит перед собой не злодеев-грабителей, а горе-новобранцев.

– Мы не хотели обидеть тебя или твою семью, – вновь вступил в разговор Приск. – Но вино, что мы выпили в таверне, так ударило нам в голову, что мы осмелились явиться в дом незванными на германский манер. У этих варваров хозяин принимает неожиданных гостей столь же радостно, как и приглашенных.

– Понравилось вино? – спросил ликса.

Квинт хотел сказать «нет», но Скирон дернул его за тунику.

– Плиний Старший называл здешнее вино божественным, – Гай позволил себе улыбнуться.

Обе девицы, синеокая и черноглазая, уставились на Приска, оценив его эрудицию и ораторские таланты.

– Сразу видно, что язык у тебя хорошо подвешен, – засмеялся Кандид, – не удивлюсь, если легат через пару месяцев запишет тебя в канцелярию. Откуда же, орлы или быки, уж и не знаю, как вас называть, – скептически хмыкнул хозяин, – вы явились?

– Из Италии! – гордо объявил Скирон, с видом победителя водрузив ногу на грудь поверженного привратника, будто собирался позировать для скульптуры какого-нибудь императора.

«На тонконового Домициана очень даже похож, – подумал Приск, – правда, нет еще ни лысины, ни живота».

– У кого будете служить, могучие мужи? – продолжал потешаться Кандид.

– У центуриона Валенса. И еще говорили про какого-то Декстра, мол, что все вопросы к нему, – ляпнул Квинт.

Кандид вдруг перестал смеяться. Нахмурился, глянул исподлобья.

– Пригласим их к столу, – сказала приятным грудным голосом хозяйка. – Все равно Корнелий с женой не приедут, а приготовлено на девять персон. Только блюдами, что наготовлены у нас на девять, можно и восемнадцать накормить. Женщины сядут на стулья по старинному обычаю, мужчины возлягут – вот и поместимся все. Баня еще не остыла. Ребята сполоснутся после дороги.

– Ты – сама доброта, моя Майя! – Кандид приобнял жену за плечико.

Его хитрые живые глаза быстро ощупали новобранцев. Мысленно он каждого оценил и взвесил. Видимо, нашел что-то интересное, потому что повернулся к ключнице:

– Отведи парней в баню и выдай им по чистой новой тунике – от меня в подарок. Потом пусть приходят в столовую.

– Видимо, этот Декстр что-то да значит в легионе, – шепнул Кука на ухо Приску по дороге в раздевалку домашних терм. – Как ты думаешь, кто он?

– В Риме есть один Афраний Декстр, богач и к тому же большой сукин сын. Над рабами измывается со сладострастием. Говорят, что римский Декстр непременно доберется до консульства, если прежде его не задушит собственная прислуга.

– Сомневаюсь, чтобы сынка такого богача занесло к нам в Мезию центурионом, – решил Кука.

* * *

Дом был спланирован и построен явно не местным умельцем. Баня, к примеру, оказалась вполне приличной, с жаркой парильней, бронзовыми ваннами и круглой каменной чашей бассейна, в которую струей текла прохладная вода. Раб-цирюльник побрил и постриг будущих легионеров.

– По-моему, нас неплохо встречают, – заметил разморенный после мытья Кука. – Я лично доволен.

На лбу его уже обозначилась солидная шишка от попадания «ядра» из вражеской пращи, но это нисколько не испортило его настроения.

Рука, пустившая снаряд, была неумелая – иначе Кука не встал бы, получив камнем по лбу.

– Да уж, встречают, – буркнул Скирон. – Знаем мы этих господ. К столу позовут, а вместо угощения поднесут всякую дрянь – вино кислое да разбавленное так, что горячая вода обжигает рот, хлеб черствый, вялый салат. А тем временем сам хозяин...

Что будет, по мнению Скирона, есть сам хозяин, друзья не успели узнать: явился мальчик, посланный Кандидом, отвести новобранцев к столу.

Столовая в доме торговца была отделана помпезно, Кандид тут же похвастался, что выписал грека-архитектора из Дамаска, а там самые лучшие нынче архитекторы.

Темноокая юница оказалась дочерью самого хозяина, все называли ее Майей, как и мать, а синеокая звалась Корнелией (ласково Кориоллой) и приходилась тому Корнелию, что не смог прибыть на обед из своей усадьбы, дочерью. Жила она у Кандида в доме, потому что в канаве объявился прощелыга-учитель из вышедших в отставку легионных писцов, и всех детей от мала до велика спешно определили в учебу. Обе девицы, уже по годам невесты, теперь каждое утро отправлялись в школу, что размещалась в пристройке у соседнего дома. Майя-младшая сообщила, что может прочесть гостям стих из «Энеиды», и тут же оттараторила что-то невнятно-возвышенное. Кандид, прослезившись, громко похлопал ученой дочери. Впрочем, голосок у девушки был приятный, глазами она стреляла во все стороны, пухлым плечиком поводила обольстительно, а что она болтала, никто из гостей не слушал.

На счет предстоящего обеда Скирон ошибся кардинально – хозяин ел то, что и остальные гости, а стол Кандида был выше всяких похвал. После месяца в пути и питания в придорожных гостиницах будущие доблестные воины империи яростно атаковали «свинину по троянски» – зажаренная свинья изображала троянского коня, а колбасы и паштет внутри, будто воины, спрятанные в коварном чреве, тут же вывалились наружу, как только нож разрезальщика вспорол брюхо. Кроме свинины, подавали зажаренных каплунов с молодыми побегами спаржи, листьями сельдерея и солеными оливками.

– Как вам наша вода? – поинтересовался хозяин. – Теперь водопровод подает чистейшую воду с южных холмов за семь миль, и строят еще один акведук. А то вокруг лагеря низины, все колодцы в канаве воняют болотом.

– Вода вкусная, – похвалили все хором.

– Вино у меня – настоящий кампанский сок, фалерн из Италии, – заявил Кандид, когда виночерпий стал обносить гостей. – Двадцатилетней выдержки. Но фалерном вас, видимо, не удивить.

– Да уж конечно, я из Неаполя, вина напробовався в свое время, – похвастался Кука. – Фалерн предпочитаю десятилетний, и чтоб во время сбора винограда дул южный ветер – такой фалерн всегда сладкий. Я пил даже знаменитое Опимиево вино – урожая как раз того года, когда был убит Гай Гракх. То был нектар! Пища богов!

«Такому вину уже более двух сотен лет, оно давно превратилось в уксус», – подумал Приск, но вслух не сказал ничего. Пускай Кука привирает в свое удовольствие.

– Неаполь! – воскликнула синеокая Кориолла. – Я слышала, в правление императора Тита там погибли от извержения вулкана три богатых города. Ты не видел, как это было?

– Кориолла, детка, подумай, как наш гость мог видеть такое, если ему лет двадцать, а с тех пор как раз и прошло около того. Ну, разве что он наблюдал за извержением из люльки! – покачал головой Кандид.

– Я не видел, – признался Кука, – а вот отец мой наблюдал и сам на лодках возил спасавшихся. У нас в доме жили довольно долго муж и жена из Помпей – снимали комнату. Расплачивались в основном драгоценностями, что вынесли из города. Они там все потеряли, и дом, и лавку. Я недавно ходил в те места, где когда-то находились Помпеи. Там ничего нет – ни следов, ни развалин – просто земля, покрытая жирным черным пеплом, на ней отлично растет виноградная лоза. Правда, еще не плодоносит.

– Вино из людского праха! – возмутилась Кориолла.

– Нет, – замотал головой Кука. – Если Везувий скрыл дома с крышами, то вряд ли корни лозы доберутся до людского праха.

Девочка покраснела, на глазах ее выступили слезы – ей очень хотелось блеснуть перед гостями и выказать свою ученость – не даром же она посещала школу. Но пока что она каждый раз пропадала впросак.

– Если бы мы не ели выращенного из людского праха, давно бы умерли с голоду, – заметил Приск, торопясь прийти на помощь хорошенькой ученой девице. – Окрестные поля, к примеру, щедро орошены кровью.

Он тут же был награжден самым выразительным взглядом.

– Да, я в этих местах повоевал, и мой приятель Корнелий тоже, – заверил Кандид, – только я по причине ранения раньше него вышел в отставку. А он еще вернулся добровольцем в легион после того как Фуск поперся к перевалу Боуты³², где poleg практически весь Пятый легион «Жаворонки». Мы там легионного орла потеряли! – воскликнул Кандид в гневе, будто это была его личная потеря.

– Не будем о сражениях, – попросила Майя-младшая и тряхнула головкой так, чтобы все заметили в ее ушах золотые сережки – изящные поделки в виде виноградной лозы. – Нашим гостям битвы еще только предстоят. Вот тогда они и расскажут о своих подвигах.

– Да уж, подвиги, – буркнул торговец. – Как только заречные волки являются в наш край, эти герои тут же запираются в лагере, и смотрят с башен, как горят поместья и селения, как варвары грузят на лошадей наше добро. Клянусь Геркулесом, еще один набег, я отсюда уеду.

– Не болтай чепухи! Куда мы поедем! К тому же наш Эск ни разу не взяли еще во время набега, – напустилась на него супруга.

– Вот счастье! А то бы даки забрали и тебя, и девчонок. Не болтай глупости, накличешь... – Кандид тронул на шее какой-то амулет.

– Вы все в Италии – счастливицы, – обратилась к гостям Майя. – Вам не угрожают ужасные варвары-волки из-за реки.

– Есть вещи пострашнее набегов варваров, к приме... – сказал Приск и замолчал на полуслове.

– Да уж! Есть вещи пострашнее, – тут же подхватила Майя. – К примеру, ужасный курорт в Байях. Ни одна добродетельная женщина не может туда поехать и сохранить доброе имя.

– Сушая правда, – подтвердил Кука. – Я работал банщиком в Байях.

---

³² *Боуты* – перевал на территории современной Румынии, где в 86-м или в 87-м году н. э. был разбит и погиб префект претория Корнелий Фуск. При этом был уничтожен Пятый легион «Жаворонки» и потерян орел легиона.

Все онемели. Майя-старшая ахнула и всплеснула руками, а девушки захихикали и залились краской. На миг смуглый Кука стал для них воплощением Приапа, этого италийского божка мужской силы, что служил символом безудержной похоти и разврата.

Кука, понимая, что проговорился, тут же кинулся оправдываться:

– Да нет там ничего ужасного. Есть горячие источники, как раз над ними и построены термы. Сам император Август там излечился, и другие вполне приличные старички приезжали купаться в наших водах. Оно конечно, если выйти к вечеру на берег, так увидишь, как роскошные корабли с золочеными носами отчаливают от берега. Сверкает перламутровая отделка в багряных лучах, паруса превращаются в пурпур. На берегу садятся ужинать отдыхающие, расставляют ложа и столики или попросту расстилают на песке ткани. Повсюду музыка, смех...

– Как красиво! – зачаровано проговорила Майя-младшая. – Я просто все это вижу.

– Кстати, на таких кораблях я часто бывал, – расхрабрился Кука. – Однажды плавал на корабле самой Юлии, дочери Божественного Тита.

– Неужели? – глаза Майи-младшей так и заблестели.

– Бедняжка, она умерла такой молодой! – вздохнул ликса Кандид.

– Пыталась вытравить плод от Домициана, вот и померла, – тут же поведала добродетельная хозяйка.

– Майя! – возмутился ликса.

– Да это же все знаю: она спала с родным дядей! – поджала губы Майя. – Мне об этом любовница легата Наталиса рассказывала.

– А я... вообще-то начинал в Тире красильщиком пурпура, – Кандид попытался быстрым маневром сменить тему разговора. – Там-то я смекнул, что торговля – главный путь к богатству. Сами посудите, если крашенная в пурпур шерсть стоит в сорок раз дороже некрашенной...

Виночерпий тут же подскочил и наполнил его кубок, по опыту зная, что рассказ хозяина будет долог.

– Милый муженек, по-моему, нам пора купить пару ученых рабов, чтобы один читал стихи, а другой играл на кифаре, – прервала супруга Майя: ей совсем не улыбалось слушать рассказ мужа о начале пути, она выучила его наизусть и могла любую фразу продолжить вслед за супругом.

– Вот уж нет, на такую ерунду тратить заработанные потом и кровью деньги не собираюсь. Видал я таких бездельников. В Италии один невежда купил себе целую ходячую библиотеку: один раб знал в совершенстве Гомера, другой – Вергилия, прочие – еще какого-нибудь знаменитого поэта.

– Я могу почитать, – предложил Кука, но его предложение проигнорировали.

– Может быть ты, молодой человек, нам что-то прочтешь? – обратилась хозяйка к возлежащему подле нее Приску. Вкусам Куки она явно не доверяла.

– Что именно? Катутла? Вергилия? Овидия? – спросил Приск небрежно. Он уже захмелел, в тоне его и в манерах нет-нет, да и проскальзывало высокомерие.

– Овидия... – попросила Майя-старшая. – Он жил здесь неподалеку, в Томах.

– Это пожалуйста.

Приск поднялся. Сделал глоток, улыбнулся Майе-младшей, подмигнул Кориолле и начал:

«Хоть в населенье страны перемешаны греки и геты,
Незамиранные все ж геты приметней в быту.
Много сарматского здесь и гетского люда увидишь –
Знай по просторам степным скачут туда и сюда.
Нет среди нет никого, кто с собой не имел бы колчана,
Лука и стрел с острием, смоченным ядом змеи.
Голос свиреп, угрюмо лицо – настоящие Марсы!

Ни бороды, ни усов не подстригает рука.
Долго ли рану нанести? Постоянно их нож наготове –
Сбоку привесив, ножи каждый тут носит дикарь».³³

– Да уж, – нахмурился Кандид, – таких дикарей тут полно. Выпьем за славу Рима! Принеси-ка мой ритон, Севт! – приказал он виночерпию. – Говорят, наш бог Вакх, которого местные называют Сабазием, родился в этих местах.

Севт исчез и тут же вернулся с серебряным сосудом в виде рога, увенчанным фигуркой коня. Приск оценил красоту работы – тончайшие каннелюры на самом ритоне, золотую инкрустацию на груди и голове серебряного скакуна. Пока виночерпий держал ритон, второй раб заливал в рог неразбавленное вино. На груди у серебряной коняжки имелось маленькое отверстие, и вино, пенясь, забило из него струей, едва виночерпий снял с отверстия палец.

– Пейте! – закричал Кандид, хлопая в ладоши. – Пейте все по очереди!

Первым подставил рот под пенную струю Приск, потом его сменил Кука. Так виночерпий обошел всех гостей, и каждый новобранец отведал пенного напитка.

– Что теперь? – спросил юнец Квинт, отирая лицо – похоже, ему в рот попало всего несколько капель. И еще, похоже, что неразбавленное вино он пил впервые в жизни.

– Теперь вы побратимы! – объявил ликса, считавший себя большим знатоком местных обрядов.

– Пьем по новой! – закричал Кука. – Чтобы быть вдвойне братьями!

Они выпили.

А потом еще. И еще. Крисп заснул прямо на ложе и принялся похрапывать.

После чего большой кусок происходящего выпал из памяти Приска.

Он только смутно помнил, как Кука сидел верхом на быке в перистиле, а сам Приск кормил быка паштетом, совал ложку в рот медной твари и говорил:

– Кушай, дорогой!

– Ужасно, но быки не едят паштет! – бормотал Квинт Марий, обхватив Приска за шею. – Нет, не едят.

– А что едят?

– Мед... вот... ик... мед...

Потом какая-то рабыня вела Приска в спальню, а он лапал ее за задницу, и девица повизгивала, изображая смущение. Кажется, она осталась. Или пришла другая? Приск ничего не видел – спальня была без окон. Лишь уловил запах приторных сладких духов, и ощутил, что рядом тело молодое и крепкое. На миг мелькнуло в памяти лицо Кориоллы. Но нет, эта была куда старше, пышнее в груди. И явно в утехах Венеры искусна.

* * *

Рано утром, поднявшись вместе с рабами, пока хозяева еще почивали, наскоро перекусив печеными в золе яйцами и хлебом, выпив горячей воды, замутненной местным вином, новобранцы покинули дом ликсы. Канаба еще только просыпалась, сновали рабы и женщины, таская воду из фонтанов, выплескивали помои да выбрасывали мусор в узкие стоки проложенной под мостовой клоаки, всю дымили печи в пекарнях, кое-где уже пахло свежим хлебом.

В таверне у заспанного хозяина новобранцы забрали нехитрые пожитки и, перекинув тощие мешки за спины, направились к лагерю. Гостеприимный Кандид каждого снабдил узелком с хлебом и сыром да флягой с хиосским вином. К тому же в узелке у Куки лежал солидный окорок. Аромат можно было уловить даже сквозь плотную ткань.

---

³³ Публий Овидий Назон «Скорбные элегии», перевод С. Шервинского.

– Эй, Кука, заверни окорок в свою грязную тунику, а то кто-нибудь из ветеранов учует запах ветчины и отнимет, – посоветовал Малыш.

– Ты не позволишь.

– Тогда отдай окорок мне.

– Как же! Ты его слопаешь!

– Весь даже я не смогу.

– К тебе кто приходил? – шепотом спросил Кука у Приска.

– Почему я знаю? В темноте не разглядишь, хороша ли девчонка.

– А со мной хозяйская дочь была, – похвастался Кука.

– Неужели? Может, просто похожа. На ощупь, – уточнил Приск.

– Вот, гляди! – Кука раскрыл ладонь.

Изящная золотая сережка в виде виноградной лозы лежала на ладони.

– Подарила или обронила? – спросил Приск.

– Сам догадайся! – засмеялся Кука. – А тебе что подарили? – обратился он к Молчуну.

Этот парень и трех слов не сказал за все время их знакомства. Никто даже имени его не запомнил – Молчун, и все.

– Я бритву у цирюльника стащил, – сообщил Молчун.

– А я... у меня три раза... Венерин спазм... вот! – заявил вдруг Квинт.

Едва они подошли к воротам лагеря, как Квинта стало трясти так, будто было сейчас не лето, а февральские календы³⁴, у бедняги зуб на зуб не попадал.

– Ты чего? – спросил его в изумлении Кука.

– Н-не знаю, – выдавил тот, клацая зубами. – Н-никак не с-справиться.

Кука дал ему глотнуть из своей фляги.

Квинт выпил пару глотков, утерся ладонью.

– Вроде полегчало, – признался неуверенно.

Не сговариваясь, все остановились и поглядели на ворота.

– Ведь мы еще не давали присяги, так? – выдавил Квинт. – Если убежим, это не дезертирство.

Обращался он явно к Приску. Но тот лишь пожал плечами: сказать точно, могут они теперь удрать без последствий или нет, не мог даже он.

– Нас ведь записали, – напомнил Крисп. – Да мне и возвращаться некуда. Дом у отца теперь крошечный. Всем даже нет места, где спать.

– В легионе должны быть замечательные баллисты, – сказал вдруг Малыш.

– Ладно, переживем! – расхрабрился Кука и первым шагнул в ворота. – По-моему, нас встретили очень даже дружелюбно.

Глава III День первый

Начало лета 849 года от основания Рима. Эск. Нижняя Мезия

В этот раз лагерь встретил их недружелюбно даже по меркам Куки. Воплями встретил, истошными криками привязанного к столбу человека. Голый, он обвисал на веревках мешком. Центурия легионеров, выстроенная в два ряда по обе стороны столба, производила экзекуцию. Выйдя из строя, легионер наносил удар прутом по спине и, передав оружие пытки следующему, становился в шеренгу напротив. Судя по длине двух построений, парень на столбе получил уже

---

³⁴ Календы – первый день месяца.

ударов пятьдесят. Одни соратники щадили несчастного, замахиваясь только для вида, другие били так, что летели клочья кожи.

При каждом ударе парень выкрикивал:

– Это не я!

С десятков ветеранов, из тех, кто был освобожден от ежедневных трудов легиона, наблюдали за экзекуцией, оценивая удары и шансы парня получить все сполна или потерять сознание прежде.

Происходящим руководил центурион. Не Валенс – другой. Вид этого другого очень не понравился новобранцам, несмотря на то, что выглядел центурион потрясающе – в начищенной лорике³⁵, с серебряными фалерами³⁶ на груди, с алым поперечным гребнем на сверкающем шлеме. Был этот центурион мужчина зрелый, но еще совсем не старый, гораздо моложе Валенса, с виду самоуверенный и спесивый. Его темные, похожие на окатанную гальку глаза без блеска смотрели холодно, и с этим человеком не хотелось встречаться взглядом. С ним вообще не хотелось встречаться.

Оставалось еще ударов десять, когда несчастный наконец перестал кричать и обвис на столбе.

– Хватит! – рявкнул центурион. Помедлив, махнул рукой – отвяжите.

Двое солдат спешно освободили от пут потерявшего сознание парня и унесли.

– За что его так? – пробормотал вновь начавший дрожать Квинт.

Иммун³⁷, наблюдавший за экзекуцией, окинул насмешливым взглядом новичков.

– Что, впечатлило? – подмигнул трясущемуся Квинту. – Готовьтесь, парни, вам это еще предстоит.

– Так за что? – теперь задал вопрос Приск. Спросил требовательно, надменно.

– За ерунду какую-то, – отозвался ветеран. – Нонний – дикий зверь, сам не свой, если кого-нибудь поутру не выпорет. Вас не к нему в центурию определи?

– К Валенсу.

– Ну да, в пятьдесят девятую. Валенс тренирует новобранцев. Наберет полную центурию – будете у него под началом и дальше. Да не трясись ты! – ветеран несильно ткнул Квинта в плечо кулаком. – Еще успеет Нонний отведать вашей кровушки, непременно прицепится. Ждите. – Кривая усмешка перекосила лицо иммуна.

Видимо, сам он тоже побывал у этого столба и отведал палки Нонния.

– Не больно ли он молод для центуриона? Или такой хороший воин? – одолело Куку сомнение.

– Хороший воин?! – ветеран расхохотался. – Сын примипила, сначала в провинции при декурионе³⁸ какого-то городка подвизался, потом папаша устроил его на должность. Патрон-благодетель ему вооружение справил. Знаешь, сколько стоит оружие центуриона? Сорок тысяч! Старый солдат копит на такую роскошь несколько лет. А этот р-раз – и с неба упала милость. Так что Нонний зверствует по двум причинам – хочется власть показать, мол, недаром он палку из виноградной лозы получил... – иммун замолчал.

– Это первая. А вторая?

– Натура такая. Нравится ему чужую плоть рвать на куски.

Новобранцы принялись потихоньку пробираться к своему бараку.

– Назад никак нельзя? – шепотом спросил Квинт.

---

³⁵ Лорика – панцирь. У легионера первого века нашей эры она из железных полос, у центуриона – чешуйчатая, посеребренная.

³⁶ Фалера – наградной серебряный диск с рельефом, медаль диаметром около десяти-двенадцати сантиметров. Фалеры выдавались комплектом из пяти-семи штук, их носили соединенными цепями.

³⁷ Имму – ветеран, освобожденный от лагерных работ.

³⁸ Декурион – здесь – глава городской администрации, обычно из бывших центурионов, вышедших в отставку.

– Н-не знаю, – ответил Кука. – Главное, на какие доходы ехать в Италию, а? У меня ни асса не осталось. Только тессера к нашему кабатчику. Можно напиток.

Они сбились в кучу и стояли, понутив головы. Тоскливое ощущение безысходности разом навалилось на всех.

– Двадцать пять лет однако... – пробормотал Квинт. – Даже из рудников приговоренных после десяти лет освобождают и переводят на легкие работы...

– Да ладно вам! – приободрился Кука, плечи расправил, оскалился, что должно было изображать улыбку. – Наверняка будет война. Раз война – значит, добыча! И потом... – он понизил голос. – Хвала богам, мы попали к Валенсу, а не к этому живодеру.

– Сегодня Валенс, завтра другой, вроде этого Нонния, – Квинт едва не плакал.

– Эй, ребята!

Они оглянулись. Ветеран, оказывается, шел за ними.

– Главное – первые четыре месяца пережить. Потом обнюхаетесь, все наладится.

– Так за что все-таки этого парня били? – вновь стал приставать с вопросами Квинт.

– Говорят, кто-то подрезал сухожилия кобыле Нонния и его мулу. Так что центуриону придется раскошелиться на новую животину. Вот центурион и подумал на этого парня...

– Так это он...

– Он только подумал, – перебил иммун, – точно никто не знает. А кто знает – молчит.

* * *

– Ну, где вас носит? – возник перед новобранцами коротышка с короткой толстой шеей и густой черной шевелюрой, больше похожей на шерсть.

Для солидности он почему-то выбрал себе и тунику, и лагерную кожаную лорику куда больше по размеру, чем нужно, не замечая, что выглядит в таком наряде по-шутовски нелепо. Это был опцион, то бишь помощник центуриона.

– Валенс вас уже целый час ждет.

– Где ждет?

– Да вон, возле нашего барака. Вам что, никто не сказал, где барак пятьдесят девятой центурии?

– Нет! – легионеры замотали головами.

– Быстро! Быстро! Валенс так и кипит! Не хуже чем его самоварный сосуд! – Опцион затрусил, показывая дорогу.

Валенс, в самом деле, расхаживал взад и вперед у барака, постукивая себя палкой из виноградной лозы по поножам.

– Ну, ребята, держись! – шепнул Кука.

Новобранцы построились, вытянулись в струнку (им так показалось, во всяком случае).

Опцион принялся докладывать:

– Новобранцы прошли через ворота еще в первую стражу, но заплутали в лагере. Им никто не сообщил расположение барака.

Опцион замолк – физиономия него была страшно довольная, видимо, радовался, что к несчастьям молодых недоумков он не имеет никакого отношения.

– Спросить не могли? – хмуро оглядел своих «цыплят» Валенс. – Простой вопрос – где квартируется центурия Валенса. Любой легионер ответит.

Новобранцы растерянно переглянулись.

– Мы не подумали – ответил за всех Кука.

Видимо, должность банщика в Байях навсегда лишила его такого понятия как страх.

– Да? Не подумали? Мозги в самом деле цыплячи?

Соглашаться не хотелось, поэтому все промолчали.

– Отвечать! Цыплячи? Да?

– Мы хотели спросить, – вдруг высунулся Приск. – Но тут увидели, как секут парня у столба.

Валенс прищурился.

– Впечатлило?

Опять молчание. В тишине стало слышно, как стучат у Квинта зубы.

Валенс повернулся к опциону.

– Нонний... – сказал тот одними губами.

Валенс несколько раз кивнул, нахмурился еще больше, прошелся взад и вперед, вновь при каждом шаге постукивая по поножам палкой.

Неожиданно он сделал два шага вбок, очутился за спинами новобранцев и прошелся по спине каждого, нанося по два удара – справа и слева. Приску, когда его огрели, показалось, что ожгли раскаленным прутом по ребрам. Почти все закричали – кто истошно, кто сдавленно. Кажется, один Молчун снес наказание молча.

– Хорошо прочищает мозги, особенно цыплячи! – Валенс вновь очутился перед строем. – Выпрямиться! Не смей чесаться, будто свиньи у забора! – рывкнул так, что восьмерка застыла.

– Итак, вы не легионеры, – объявил им центурион. – Вы только еще тироны, то бишь новобранцы. Четыре месяца тренировок, и я сделаю из вас настоящих солдат. А пока и жалование у вас куда меньше, и присягу вы дадите только спустя положенные четыре месяца. Знак легионный вам на плечо тоже поставят после присяги. Первую выплату жалования получите в январе будущего года.

Новобранцы не смогли сдержать протяжный вой разочарования. Обычно легионерам выплачивали жалование трижды за год. А тут – ждать придется больше полугода.

– Тихо! – рывкнул Валенс. – Если кто думает, что можно сбежать, то он глубоко ошибается – через эти ворота (центурион ткнул своей палкой в сторону лагерных ворот) вас либо вынесут вперед ногами, либо вы уйдете на костылях, либо... – он сделал паузу. – Через двадцать пять лет с мешком сестерциев и кучей шрамов на теле. Не бойтесь, голодать вы эти четыре месяца не будете. Припасы вам выдадут в счет жалования. Опять же одежду и оружие купите в долг. Если что захотите приобрести – посуду какую, или инструмент, скажете мне, в канцелярии все запишут, чтобы потом вычесть из жалования. А вот на всякие глупости денег не будет – не ждите. Ночью из казармы ни ногой.

Он помолчал и добавил – мягче и тише:

– Первые десять дней будет очень тяжело. Готовьтесь. А сейчас разойтись.

* * *

Оставив нехитрые пожитки в бараке, новобранцы первым делом двинулись получать довольствие. Каждому выдали мешок зерна (из расчета три фунта³⁹ на день на одного человека), мешок бобов (в половину меньше, чем с пшеницей), соль, бутыл с оливковым маслом, голову сыра, мешочек с чесноком плюс на всех свиной окорок. Да еще каждому по глиняной бутылки винного уксуса: ни один легионер не отправлялся в поход, не прихватив с собой фляжки с этим составом, способным любую воду сделать более свежей на вкус и менее опасной для желудка. Пока новобранцы прикидывали, что делать с этим богатством, от котлов под навесом, где томила над мерцающими углями бобовая каша с салом, к ним направился шустрый черноглазый паренек в тунике из некрашеной шерсти.

---

³⁹ Фунт – весовая единица, 325,45 г.

– Готовить сами будете или из общего котла хотите? – поинтересовался паренек, судя по бронзовому ошейнику, легионный раб.

Кука и Приск переглянулись. Согласно древнему обычаю легионеры должны были готовить себе сами – из зерна, что им выдавали, молоть муку и крупу, варить кашу или печь хлеб, а потом высушивать его, чтобы иметь в походе запас сухарей. Но каждому, даже неопытному мальчугану, было понятно, что такая готовка отнимет уйму времени. И еще не понятно, где в постоянном лагере разводятся столько костров для готовки.

– Что нужно-то? – спросил Кука, чуя подвох.

– Сдаете мне все припасы, получаете хлеб и кашу из общего котла с салыцем каждый день. Ну и за работу мне – четыре асса с каждого в месяц. Если кто баранинки или свининки желает – придется приплачивать. Готовлю я вкусно – клянусь Геркулесом, он ведь известный был обжора. Зовут меня Гермий. Если мясо отдельно пожарить, или там рыбку – это пожалуйста. Тут кстати в реке полно рыбы, а в лесах дичи. Если центуриону приплатить, он дней через десять вас отпустит поохотиться за оленем или на рыбалку. Или вам нравится самим вращать жернов?

Как бы в подтверждение его слов жалобно скрипнул рычаг мельничного жернова, который вращали двое рабов и старый полуслепой мул. Из пекарни дежурный легионер, обнаженный по пояс, вынес лоток с круглыми караваями. Хлеб был пшеничный, с румяной корочкой, духовитый.

Новобранцы едва не захлебнулись слюной.

– А если поход? – спросил практичный Кука. – Что тогда?

– На поход сами запас делайте. Сухари там, сыр... В походе я вам не помощник, сами готовить будете.

– Давайте согласимся, – принялся канючить Скирон. – Все время готовить – сил нет. Это что ж, после тренировки изволь муку молоть да кашу варить?

– Я вам сейчас же каши каждому в миску наложу, – пообещал кашевар.

Такому аргументу никто уже противиться не смог – тут же молодняк отдал все зерно и масло, выложил по четыре асса с носа. За Куку заплатил Приск – у бывшего банщика не было при себе ни единого медяка, а компенсацию за проезд им обещали выдать только через месяц. Видимо, соблазны канабы станут тогда не так сильно манить новобранцев.

Так что не прошло и четверти часа как новички сидели на солнышке и бодро работали ложками.

– Масло зачем отдали? – вдруг спросил Кука.

– Что? – не понял Скирон.

От еды он осоловел, его потянуло в сон.

– Говорю, зачем масло отдали? Сами, что ли, не могли в кашу себе влить? Этот проходимец Гермий в котел на всех не больше ложки отслюнявил, клянусь Геркулесом. И потом... что с походом... где мы возьмем сухари? А?

Да, масло в каше явно не чувствовалось. Не обнаружили новобранцы и салыца. Пришлось отрезать по ломтю от Кандидова окорока, чтобы обед не выглядел таким скромным.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросил Кука, обращаясь к Приску, но при этом зло поглядывая на Скирона. – Я, между прочим, хорошо готовлю, могли сами на мельнице зерна намолоть и...

– Думаю, парень хочет на свободу, займет дом в канабе, причем каменный, – усмехнулся Приск.

– Я сыт, и мне на все плевать... – пробормотал Скирон.

– А мне нет! – возмутился Кука и двинулся назад к кухне.

Остальные потянулись за ним.

Гермий тем временем разделывал оленью тушу – кто-то из легионеров, получив пару дней отпускных, недурно поохотился. Легионер, дежуривший в пекарне, теперь отдыхал, вытянувшись под навесом и накрыв голову туникой. Лотки с хлебом он накрыл редким полотном от мух, что налетели роем на мясо.

– В чем дело, ребята? Не понравилась каша? – спросил Гермий, не оборачиваясь и продолжая свежевать тушу.

– Мы решили забрать назад ветчину и масло, – заявил Кука.

– Ничего не выйдет. – Гермий наконец обернулся, вытер перепачканные в крови руки о кожаный фартук. – Масло я влил в общую амфору. Отливать оттуда никак не могу. Ветчину опять же покрошил в кашу. Вы ж сами ее и ели.

От подобной наглости новобранцы смогли только открыть рот.

– А сухари для похода? – спросил Кука.

Отдыхавший под навесом легионер поднялся, снял холстину с одного из лотков.

– Идите сюда, каждому по лепехе. Нарезете на сухари.

– Приходите вечером, – подмигнул Гермий. – Отведаете жаркого. Два асса со всех скопом исключительно только для вас, уж больно вы ребята хорошие. Оленинка чудная! Кстати, это вы нашли тело на дороге в Филиппополь?

– Ну, мы, – нехотя подтвердил Кука.

– Дорога эта проклятая, – заявил Гермий. – На ней раза три в месяц кто-нибудь непременно погибает, торговцы, гонцы. Теперь вот солдата убили. Там где-то гнездо оборотней, только Декстр его найти не может. Могу продать хороший оберег от оборотней. Всего денарий. Вам уступлю в долг.

– Нам эти твои безделушки ни к чему, – отрезал Тиресий.

– Это почему же? – прищурился Гермий.

– Потому как бесполезные.

– Как это ты определил? – хмыкнул раб-кашевар, правда, не слишком уверенно.

– Я это вижу.

* * *

Укомплектованный легион – это шесть с половиной тысяч человек, если считать вспомогательные отряды и кавалерию. Но нынче в Пятом Македонском по всем, даже самым смелым расчетам, не набралось бы даже три тысячи личного состава. Пополнение в виде восьми заморышей было первым за последний год. Да, военных действий не велось, но солдаты умирали от болезней и старых ран, ветераны выходили в отставку, задерживать их сверх срока легат легиона даже не пытался – бунт вблизи границы вещь очень неприятная.

Была еще одна причина убыли, о которой не любили распространяться ни центурионы, ни военные трибуны, но которая была всем известна: немало солдат, особенно молодежи, бежало за реку. Таких перебежчиков принимали в Дакии с охотой – особенно ветеранов, кто мог обучать легионному строю или строить баллисты. Так что после очередного зверства Нонния или других его собратьев, что не скупилась на розги, обычно человек десять парней исчезало из лагеря и никогда больше не возвращалось.

* * *

Барак пятьдесят девятой центурии поражал удивительной гулкостью и пустотой. Казарма делилась на две неравные половины. Справа от двери располагались помещения центуриона, где он жил вместе с опционом и со своим денщиком, здесь же находилась кладовая, где хранились общая амуниция и архив центурии. Слева располагались десять комнат по пять с каж-

дой стороны коридора. Одна комната на контуберний⁴⁰. Плюс в каждой комнате имелась своя кладовая. Валенс, указав восьмерке на ближайшую к выходу комнату, приказал жить только здесь, в другие помещения не соваться и ни его самого, ни его опциона излишним ором не беспокоить.

Вид у комнаты был довольно чистый – стены заново оштукатурены и побелены известью. Имелась даже кожаная занавеска, натянутая на деревянную раму. Ее стоило вешать вечером на крюк над окном, когда зажигали масляные светильники, чтоб всякая летучая дрянь от реки не летела в комнату. Кожа была плохо выделана, и занавеска гремела, как тимпан. Деревянные кровати были двухъярусные, по обе стороны от широкого прохода. Под маленьким окошком во всю ширину стены громоздился старый сундук. В уголке возле двери имелась ниша для домашнего алтаря. Возле кроватей в стены были вбиты здоровенные бронзовые гвозди – чтобы вешать вещи и оружие. Новобранцы обозревали новое жилище в какой-то растерянности, не понимая еще, что, быть может, вся их будущая жизнь пройдет в этих стенах – не считая палаток временных лагерей или не менее временных обиталищ под чужой крышей в чужих городах.

Приск, малость помедлив, развязал тесемки мешка, и извлек оттуда бронзовую статуэтку Лара, обтер голову божка о тунику, оглядел и поставил в нишу.

– Ну вот, мы и дома. Что еще надо сказать?

– Да охранит нас Юпитер и гений легиона, – сымпровизировал Кука.

– Гений казармы, – добавил Приск.

Койки быстро разобрали, дележка даже не вызвала спора. Практически каждый выбрал, что хотел. Приску досталась нижняя у окна, над ним сверху расположился Кука.

Квинт принес из мастерской в глиняном черепке немного киновари и принялся тростинкой писать на стене имена товарищей.

Верхняя слева – Скирон и Кука. Нижняя слева – Малыш и Приск. Справа верхняя – Тиресий и Крисп, нижняя – Молчун и Квинт. Краска оказалась сильно разбавленной, чтобы легче было писать, и буквы расплылись, набухли по низу кровавыми каплями и вдруг, прорвавшись, устремились вниз. Квинт принялся стирать потеки, но лишь размазал и перепачкал руки.

– Косорукий! – разозлился Скирон. – Такую стену испортил.

– Придется забелить заново, – заметил Малыш.

– Не надо. Пусть так и будет, – сказал Кука. – Так даже интереснее. Эй, Тиресий, что скажешь?

– Дурость ничего не говорит, кроме того, что она дурость, – заявил Тиресий.

– Теперь каждый вояка увидит, что в этой комнате живут придурки-тироны, – веско сказал Молчун.

– Косорукий! – вновь встрял Скирон.

– Надоел! – огрызнулся Квинт.

И неожиданно нарисовал напротив имени Скирона, возбужденный фаллос и написал, «не стесняйся, присаживайся!» Никто не ожидал от пухлолицего, похожего на ребенка, Квинта подобной дерзости.

– Ах ты, писака! – взъярился Скирон, отнял у Квинта кисть и накарябал рядом с его именем: «Растяни задницу».

После чего кисть пошла по кругу писали, кто, во что горазд, и вскоре вся стена была покрыта надписями, а новобранцы измазаны красным, будто побывали в жестоком сражении. Крисп вскарабкался на верхнюю койку и, свесившись, написал выше всех: «Славная вось-

---

⁴⁰ Контуберний – отряд из восьми человек.

мерка – лысые жопы». Один Приск не поучаствовал в деле. Усевшись на свою койку, он наблюдал за происходящим со снисходительной улыбкой.

– Что же ты! – Кука передал ему кисть.

Тот покачал головой и слегка отстранился.

– Пиши! – заорали все хором.

Он раскланялся, как актер на просцениуме, а затем вывел:

«Многие писали на этой стене, а я – ничего».

«Браво!» – на единственном чистом кусочке подвел итог дискуссии Молчун.

После чего легионеры побежали к водопроводу – мыться.

Когда сбросили туники, то обнаружили, что у каждого на спине проступают красные полосы буквой «V» – отметины утренней порки.

– Э, похоже, нас приняли в легион! – вздохнул Квинт, изворачиваясь и нащупывая пальцами набухший рубец.

– Хорошо, что мы не в XXII-м, – заметил Молчун.

Кажется, это была первая его шутка за все время их знакомства.

* * *

В конце четвертой ночной стражи Приск проснулся из-за того, что кто-то тряс его за плечо. Тряс яростно и приговаривал: «Проснись!»

Комната уже была заполнена сероватым предрассветным сумраком, и Приск сумел различить, что разбудил его Крисп.

– Ты что, сдурел? – пробормотал Приск, – будить до трубы...

– Т-т-тиресий умер... – пробормотал Крисп, заикаясь.

Тут Приск, наконец, увидел, что парень трясется и лицо у него блее побелки на стенах. Мигом с Приска слетел весь сон, он вскочил, взлетел на верхний ярус. Тиресий лежал вытянувшись, без подушки и без одеяла (скомканные, они валялись в ногах), голова откинута, открытые глаза стеклянно смотрели в потолок. В комнате светлело все больше, и теперь было видно, что глаза его как будто подернулись мутной пленкой.

Крисп тоже забрался наверх.

– Его убили? – спросил, клацая зубами.

– Н-не знаю...

Приск схватил Тиресия за плечи и встряхнул раз-другой, голова лежащего мотнулась из стороны в сторону. Внезапно Тиресий дернулся и замолотил по воздуху руками – Приск мгновенно слетел с верхнего яруса, так что очнувшийся Тиресий решил, что тряс его Крисп. Он схватил парня за горло и заорал на всю казарму:

– Убью!

Крисп от ужаса только открывал и закрывал рот, уверенный в тот миг, что Тиресий – оживший мертвец и сейчас его загрызет.

Все вскочили.

Тиресий прыгнул вниз, схватил стоявший на сундуке кувшин с водой, плеснул себе в лицо, несколько раз судорожно вздохнул, как добытчик губок, всплывший с большой глубины. Потом вылил остаток воды на голову. Глаза у предсказателя были безумные. Но он хотя бы моргал, и мутная пленка исчезла.

– Никогда! – сказал он, и простер руку, будто оратор или заклинатель. – Никогда не будите меня... Иначе... – он затряс головой, и с волос полетели брызги, – душа не вернется в тело!

Обессиленный, Тиресий плюхнулся на койку Приска.

Кука опасно тронул предсказателя за плечо:

- Тирс, так ты не умирал?
  - Я странствовал, – ответил Тиресий.
  - Где? – осмелился спросить Кука.
- Но Тиресий так на него глянул, что Кука невольно отстранился.

Глава IV Центурион Валенс

Лето 849 года от основания Рима. Эск. Нижняя Мезия.

Обычно тренировал новобранцев специальный инструктор из числа ветеранов, но в этот раз Валенс занялся «цыплятами» лично.

Центуриона явно задело, что Адриан отозвался о новичках с презрением. И то: каждый из них (за исключением Малыша) был ниже Адриана почти что на полголовы. Ну, может быть для военного трибуна сила и рост – отличные качества. А для легионера высокий рост может обернуться бедой – вражеский пращник первый приметит великана в строю, и первому засадит камнем в лоб.

«Новобранцы не хуже других, – размышлял Валенс, расхаживая перед новичками. – Другое плохо. Их мало. Восемь вместо ста. Наверняка Сульпицию просто не выдали денег, да и нам вон задерживают жалованье. Говорят, легионная казна пуста. Да только дакам плевать, пустая казна или полная, они все равно зимой явятся на этот берег. С половинным составом легиона их не удержишь. Почти все сторожевые бурги⁴¹ пустые, стоят для вида. Если разошлем в каждый, как положено, по пятьдесят человек, то в лагере никого не останется».

Новобранцы стояли перед ним в серых некрашенных туниках, сутулые, вялые, больше похожие на прислугу, чем на военных. Стояли, переминаясь с ноги на ногу, перешептывались.

«Глупые птенцы... – Валенс был таким же в их годы, хихикал по любому поводу и отпускал едкие шуточки. – И где этот пройдоха Декстр? Он же обещал прийти посмотреть на ребят. Какой только его ветер носит?».

Центурион понял, что слишком расчувствовался, смотрит на парней почти как на детей своих, которых у него, увы, не было.

– Молчать! Слушать меня! – гаркнул Валенс. – Через четыре месяца вы будете знать все, что потребно хорошему легионеру. Научитесь перестраиваться, четко и быстро сможете сделать это даже под градом стрел и камней, сможете по команде рассыпаться и собраться воедино, закрыться в глухой обороне, чтобы потом перейти в стремительную атаку, беспрекословно выполнять приказы, знать в бою свое место. Но главное, вы будете уверены в товарищах. Пока вы ничего не умеете. Даже те из вас, кто воображает себя героем.

Валенс остановился напротив Малыша.

– Вот ты.

Малыш вытянулся.

– Сможешь пройти десять миль регулярным шагом?

– Смогу, центурион Валенс!

– С грузом?

– Смогу...

Валенс усмехнулся краешком рта, поднял лежащий подле стены барака мешок и рогатую палку, на которой легионеры носили груз.

– Здесь сто фунтов. Все идет налегке, ты несешь мешок.

– Почему?

---

⁴¹ Бург – двухъярусная сторожевая башня.

– Молчать! Все идут налегке. Ты с грузом. И не отставать! А теперь кругом и к воротам! Ма-арш! – он с наслаждением выкрикнул эту команду.

* * *

– Шире шаг! Сукины дети! – прикрикивал Валенс. – Или я заставлю вас идти второй круг. Восьмерка уже не шагала, а брела по тропе. Выйдя из лагеря, они отшагали две мили по мощеной дороге на Филиппополь, но потом по приказу центуриона развернулись и двинулись по тропе напрямиком на север. Пришлось перестроиться и идти по двое в ряд. Хорошо, что для первой «прогулки» Валенс выбрал равнинное место, а не погнал новичков в холмы на юг, откуда к Эску бесконечной чередой арок шествовал новенький акведук.

На подъеме новички бы «сдохли».

Сейчас в арьергарде плелся Малыш, с грузом на плече. Он подкалывал под палку то ладонь, то лоскут оторванной от туники тряпки, но никак не мог найти для нее на могущем плече удобное место.

Неожиданно тропинка оборвалась, и тироны очутились на берегу Данубия.

– Стоять! – гаркнул центурион, видя, что новобранцы готовы ринуться в воды Данубия, что был в этом месте шириной больше полумили и со скоростью хорошего скакуна неся к далекому Понту Эвксинскому⁴².

– Кто из вас может переплыть эту милую речушку? – спросил центурион.

– Я! – вызвался Кука. – Я каждый вечер плавал в море. Я могу...

– Это тебе не Неаполитанский залив, дурачина! – хмыкнул центурион. – Вода еще холодная, а течение вмиг унесет тебя напрямиком к воротам Аида. А теперь назад. Шире шаг! У нас тренировка с оружием, шевелись, уроды! Вечером будете плавать, да только не в Данубии, а в Эске. Кто не переплывет нашу речку туда и обратно, отправится на кирпичный завод в канабу.

Теперь первым назад в лагерь шел Малыш. Шел явно медленнее, чем нужно, но Валенс запретил его обгонять – время опоздания автоматически вычиталось из времени отдыха.

* * *

После возвращения в лагерь тироны ополоснулись холодной водой и кинулись на кухню. В этот раз Гермий не поспешил, налил им в кашу масла от души, приправил оленинкой.

Котелки мгновенно опустели. Потом новобранцы выпили по кружке кипятка с вином.

– Хорошо-то как, – пробормотал Крисп, развалившись в тени подле стены их казармы.

Остальные пристроились рядом. Полчаса дремы в тенечке – настоящее блаженство.

Приск закрыл глаза, и вмиг очутился в родном доме, в перистиле. Он стоял перед старым кипарисом, и из множества ран на мягкой древесине лилась кровь.

«Не бойся, – услышал он голос отца. – Эти раны не могут лишить жизни...»

– Центурия! – донесся сквозь сон голос Валенса. – Строиться!

* * *

– Молчать! Приготовиться исполнять приказы! – отчеканил центурион. – Учебное вооружение разобрать. К тренировке приступить!

Щит каждому выдали учебный, плетеный, но при этом в два раза тяжелее боевого, щедро утяжелен свинцом был и тупой учебный меч. Деревянный столб шести футов высотой должен

---

⁴² Понт Эвксинский – Черное море.

был обозначать для новобранцев противника. Зарубки и вмятины покрывали его от основания до макушки.

– Коли! – махнул рукой центурион.

За неуклюжими движениями новобранцев собрались поглядеть несколько ветеранов. Потом появился сам командир Пятого Македонского легат Луций Миниций Наталис и с ним военный трибун Элий Адриан. Оба были без доспехов, только в кожаных туниках, что надевались под панцири, с птеригами на плечах и бедрах.

Первым подскочил к столбу Кука, но вместо того чтобы нанести колющий удар, рубанул со всего маху. Деревянный меч отскочил, и чуть не вырвался из десницы новобранца, а центурион угостил бестолкового ударом палки из виноградной лозы по спине.

– Коли! – вновь прозвучала команда.

Гай Приск был более следующим и нанес точный колющий удар. Дерзко глянул на центуриона – ожидал похвалы. Не дождался.

– Так ты можешь тыкать в задницу свою красотку. На первый раз сойдет, на второй – накажу, – прокомментировал его удар центурион. – Следующий.

Замечание явно несправедливое, но не новобранцу спорить с центурионом.

Квинт заорал и ринулся на столб.

– Эй, Приск, подойди-ка сюда! – окликнул Адриан новобранца как старого знакомого.

Гай подошел, вскинул руку в приветствии.

– Откуда ты? – спросил Наталис.

– Из Комо, легат!

– Из Комо... Говорят, хорошие места. Кажется, у Плиния там есть чудная усадьба.

– Замечательные места, легат.

– Мне почему-то кажется, что ты не похож на провинциала. В Риме наверняка жил.

– Недолго, – подтвердил Приск.

– Рим плодит неженков, – легат любил говорить сам, а не слушать других. Рассуждать о пороках Рима было его любимым занятием. – Столичные сосунки вообще ни на что не пригодны. Друзья там лишь для того, чтобы шляться по тавернам.

– Мечом владеешь? – спросил Адриан Приска.

– Надеюсь.

Адриан извлек из ножен кавалерийскую спату, длиннее гладиуса на целый фут.

– Поменяемся? – Адриан подмигнул, указывая на утяжеленный деревянный макет.

– Адриан, оставь свои штучки, нас ждет запеченная в тесте форель! – возмутился Наталис. – Фехтовать перед обедом вредно.

Адриан нехотя вложил меч в ножны.

– «К сладостным яствам предложенным руки герои простерли»⁴³, – продекламировал Адриан по-гречески.

Оба офицера развернулись и отправились в преторий⁴⁴, где рабы уже сновали туда-сюда, готовясь к предстоящему обеду.

– Что он сказал? – не понял Квинт.

Вернее, не поняли многие, но спросил лишь Квинт.

– Что герои хотят есть, – буркнул Приск.

Всем уже было известно, что Адриана в легионе прозвали гречонком за любовь ко всему греческому, он и на языке Гомера говорил лучше, чем на латыни.

– Следующий! – хлопнул в ладоши Валенс. – Вы что уснули! Приск! Твоя очередь! В атаку на столб!

---

⁴³ Гомер. «Илиада», перевод Н. Гнедича.

⁴⁴ Преторий – дом легата легиона.

* * *

Через два часа тренировки столб уже казался новобранцам живым. Он норовил ускользнуть то вправо, то влево. Колоть столб никто кроме Приска так и не научился. Больше всех усердствовал Малыш. Но он то и дело забывался и пробовал наискось рубить по дереву вместо того чтобы колоть. Удары впечатляли своей силой, но в строю эта сила была без надобности.

– Сразу видно, парень прежде готовился стать дровосеком! – покачал головой Валенс.

Восемь измотанных несчастных цыплят были уверены, что никогда не дождутся сигнала трубы, по которому можно будет отправиться передохнуть и выпить воды. Через час их ждала новая тренировка с оружием.

Легионеры, уже давшие присягу, тренировались только утром. Во второй половине дня они отправлялись на строительные работы – две центурии укрепляли стену в канабе, еще одна работала на кирпичном заводе. Целая когорта уходила строить новый водопровод, который должен был доставлять воду в канабу и лагерь с дальнего южного источника за семнадцать миль. Те, что оставались в лагере, перекрывали крышу на старых бараках. Черепица с клеймом Пятого Македонского легиона была сложена штабелями вдоль стен. Правда, многие не работали, а прохлаждались, или отправлялись в увольнение в канабу – но за это надо было платить своим центурионам определенную мзду. Какую именно, новобранцам пока не сообщили.

Один из иммунов шепнул, что расценки взяток выбиты на медной доске, а сама доска прибита к воротам принципии, как законы Двенадцати таблиц⁴⁵ к дверям храма Сатурна. Новобранцы побежали смотреть, бронзовых досок не нашли и только тогда поняли, что их разыграли.

В этот день тиронам повезло. Валенс, глянув на измотанных новобранцев, мокрых от пота и едва живых, усмехнулся:

– Я бы из вас душу вытряс, да боюсь, пользы от этого не будет...

И направился в принципию.

Едва он скрылся из глаз, как Квинт с воплем повалился прямо на мостовую.

– Я больше не выдержу, – простонал он.

Кука ухватил его за шкурку и попытался поднять. Пропитанная потом и солью туника лопнула с громким треском.

Квинт сначала ничего не понял, а когда понял, что произошло, завыл еще громче.

– Так, идем к Гермию, надо раздобыть у этого жулика горячей воды и простирнуть туники, иначе мы завтра не сможем их надеть, – сделал выводы Кука. – Сами мы можем окатиться и холодной водой, а тряпки от пота без горячей воды не отстирать.

Вечером, пожалев Квинта, который исколол здоровенной иглой себе все пальцы, пытаясь зашить порванную тунику, Приск отдал приятелю свою – в отличие от других у него имелись две сменные. Правда, даже туника Приска была Квинту великовата.

– Ничего, одежда только временно велика, – заверил Кука. – Пройдет месяц – и ты, Квинт, накачаешь себе такие мышцы, что впору будет брать тунику у нашего Малыша.

Все захохотали, представив Квинта в одежде Малыша. Даже Квинт криво улыбнулся.

* * *

На другое утро Приск возглавил восьмерку во время марша. Дохлак неожиданно пошел бодро и, казалось, без напряжения выдерживал темп. Валенс многозначительно приподнял

---

⁴⁵ *Законы Двенадцати таблиц* – свод Первых римских законов.

бровь, но вслух ничего не сказал. Будто не заметил. Зато плетущегося в конце маленькой колонны Квинта огрел без всякой жалости.

– Запомните, – поучал подопечных центурион по дороге назад в лагерь. – Отныне легион вам – отец родной, главная святыня на свете – орел легионный, за золотую эту птицу на древке каждый из вас с радостью должен жизнь положить, если понадобится.

– Если легион – за папашу, то кто за матушку? – спросил Кука.

– Дисциплина ваша мать, – отозвался Валенс. – От того, насколько ты точно исполнишь приказ, зависит не только твоя жизнь, Кука, но жизнь Приска, Малыша, Скирона, и дурака Квинта...

– Почему дурака? – спросил Квинт.

– Потому что плавать не умеешь. Так в твоём деле записано.

Они вошли в лагерь.

Из ближайшего барака доносился женский визг и хохот легионеров.

– Как посмотрю, не уважают нашу новую матушку в этой центурии, – заметил Кука.

* * *

После обеда Валенс вывел тиронов за ограду лагеря и заставил метать пилумы⁴⁶. Разумеется, не настоящие, а просто хороши оструганные и заточенные на одном конце палки весом и длиной примерно равные боевому пилуму.

Кука здесь отличился, добросил макет до цели. Правда, в саму цель не попал – учебный щит остался нетронутым, как тело весталки, палка угодила в доски опоры. Скирон метнул «пилум» футов на двадцать – считай себе под ноги. Крисп разогнался, но его «пилум», подхваченный ветром, улетел куда-то в сторону, и... впился в ягодицу легионеру – тот как раз наклонился перешнуровать калиги. Пораженный столь неожиданно, легионер повалился на землю.

Рев раненого услышали даже в лагере. Скирон при виде такого казуса принялся хохотать как сумасшедший.

Сам же Крисп помчался за медиком Кубышкой и капсариями⁴⁷ в госпиталь. Медик покачал головой при виде раненого и принялся извлекать «пилум». Потом велел отнести пострадавшего в госпиталь – остро заточенная деревяшка вбила в рану ошметки ткани от туники и набедренной повязки, и если лохмотья из раны не вычистить, она загниет, и все может кончиться плохо.

– Отличный бросок! – покачал головой Валенс. – Так бы все у нас метали пилумы, никто бы Пятый Македонский никогда не побил. Не налюбуюсь я на вас, ребята! И где вас только нашли, в каком борделе или бане для нашего славного легиона?!

– Отправь их строить дорогу! – посоветовал медик, вливая в рот стонущего легионера вино с настойкой из мака.

– Успеют еще подружиться с киркой и лопатой, а топор станет им родным братом, – посулил незадачливым тиронам «блага» военной жизни Валенс, поворачиваясь к «славной восьмерке». – А пока учитесь делать то, что может спасти вашу никчемную жизнь, но не наполнит кошельки вашего начальства.

Когда вернулись в казарму, Крисп лег на свою койку и заплакал.

– Ты чего? – изумился Кука.

– Видел бы меня отец! Такой позор!

---

⁴⁶ *Пилум* – специальный дротик. При попадании в цель штифт, соединявший металлическую часть с деревянной, ломался, и дротик был уже не годен для повторного применения.

⁴⁷ *Капсарий* – младший медик, фельдшер.

– Папаша у тебя теперь орел легионный. Надеюсь, за эту промашку он тебя не заключет, – напомнил Кука.

Крисп спешно отер лицо и спросил:

– А у тебя еще осталось хиосское вино?

* * *

Обещанный Валенсом заплыв в реке Эск все откладывался.

На другой день центурион повел новобранцев бегать не по натоптанным дорожкам, а по холмам. Подъем, спуск, подъем, спуск. На вершине одного из холмов восьмерка во главе с Валенсом столкнулась с офицерами. Легат Наталис и Элий Адриан что-то обсуждали, глядя в сторону Данубия. Контуберний легионеров, сопровождавший командиров, расположился на другой стороне холма, скрытый от посторонних глаз. Но едва тироны во главе с Валенсом приблизились к вершине, легионеры выскочили из укрытия.

Валенс поднял руку, и новобранцы остановились.

– Ну и как поживают быки Декстра? – спросил Наталис у Валенса, глядя на запыхавшихся тиронов.

– Отлично, легат! – рявкнул Валенс, как будто криком пытался искупить неказистый вид своих подопечных.

Адриан усмехнулся и покачал головой:

– Кто-нибудь из них сможет нанести мне хотя бы один удар? – спросил трибун.

Валенс повернулся, оглядел юнцов с кривой ухмылкой, оценивая шансы...

– Я! – выступил вперед Приск.

– Учти, оружие будет боевое, – предупредил Адриан. – Все равно выйдешь?

– Выйду!

– Смелый!

– Или глупый, – добавил Наталис.

Адриан стал спускаться с холма, выбирая место для поединка. В траве здесь и там лежали камни.

– Доспех у него классный, – шепнул Молчун Приску. – Такой даже сарматским копьем не пробить.

– Пожалуй, здесь. – Адриан остановился. – Трупы тебе на дороге больше не попадались?

– Нет.

– А Декстр? Не приставал с поручениями? Что молчишь? Не знаешь, что ответить?

– Не знаю, можно ли отвечать на этот вопрос.

– И откуда ты такой выискался! – вспыхнул Адриан.

– Мы хотели биться, – напомнил Приск.

– Ты все-таки глупец. Ну то ж... Представь, что враг с ценной добычей оказался на этом холмике, а тебе любой ценой надо его убить, чтобы забрать то, за чем тебя послали.

Приск нахмурился.

Его растерянность не ускользнула от взгляда Адриана.

– Удивлен? Зря. В легионе не нужны бойцы, которые удивляются. Удивляться у тебя не будет времени. Надо просто выполнить приказ. Удивление оставь противнику. Ты сейчас наверняка думаешь: я проложу себе дорогу мечом. Нет, Острий Приск, мечом ты сможешь только проколоть маленькую дырочку. В такую хорошо подсматривать в борделе, если нет денег на девку. Главный бой проходит здесь, – Адриан несильно постучал себя костяшками пальцем по золоченому шлему. – Для меня он уже закончился.

Адриан сделал знак, один из стоявших поблизости легионеров отдал ему свой щит и меч (офицерская спата была длиннее гладиуса, и поставила бы Приска в неравное положение), вто-

рой легионер протянул новичку не только щит с мечом, но и шлем. Шлем оказался малость великоватым, и к тому же войлочная прокладка была влажной от пота, Приск невольно подавил брезгливую гримасу, что опять же не укрылось от Адриана.

Военный трибун взвесил на руке меч, одобрительно кивнул, а щит, сделав пару движений левой рукой, вернул владельцу. Потом огляделся вокруг и поднял с земли гнилую корягу.

– Зачем это? – шепотом спросил Кука у Тиресия. – Коряга ни на что не годна. Хочет уравнять шансы? Мол, он такой сильный, что готов без щита и с этой дрянью в левой руке побить нашего Приска?

– Ставлю задачу. Я – гонец, везущий важное донесение противнику. – Адриан поднял над головой сучковатую палку. – Ты уже сбил меня с коня и загнал на этот холм, как собаки загоняют волка. Теперь остался последний шаг – завладеть свитком. Видишь, шансов скрыться у меня нет. Тебе позарез необходим мой свиток. А для этого ты должен нанести всего один укол. Приступай!

– Слишком самоуверен этот гречонок, – шепнул Молчун.

Демонстративно, не спеша, Гай Приск застегнул шлем, взял в левую руку щит, в правую – меч.

Лежащие в траве камни могли сыграть злую шутку с любым из бойцов, поэтому Приск стал приближаться к Адриану медленно, всем видом показывая, что шутить не намерен.

– Он же может его убить, – прошептал Квинт.

– Кто кого? – со смехом спросил Крисп. – Я не поставлю на Гая даже асса!

– Щитом прикрывайся! Щитом! – закричал, не выдержав, Кука.

– Не мешай криком! – одернул Валенс.

– Шансы равны, – объявил прорицатель Тиресий. – Ставлю на Приска.

Легионеры из сопровождения легата спешно делали ставки, пока не начался бой. Ставили в основном на Адриана. Лишь один смельчак поставил на Приска в надежде огрести сразу несколько денариев. Из новобранцев на Приска опять же сделал ставку только Тиресий.

Трухлявая коряга, зажата в руке Адриана, не представляла для противника опасности, коряга – только груз, демонстрация уверенности! Опасен клинок. Рубить на такой почве равносильно самоубийству, значит, придется колоть.

Приск пошел в атаку.

Адриан легко перепрыгивал с камня на камень, ловко ускользая от колющих ударов, которые Приск с завидным постоянством наносил в воздух. Иногда Адриан успевал подставить свой меч под удар. Кажется, не для того, чтобы отбить выпад, а чтобы демонстративно звякнуть металлом о металл. Всем чудилось в этом звяканье неприкрытое презрение. Приск и сам уже сознавал, что слишком запаздывает после каждого выпада. Меч как будто повисал, не нащупав жертву. Но и Адриан пока ни разу не достал Приска. Каждый раз юноша ловко подставлял под удар свой щит.

– Кто-нибудь из них непременно споткнется! – довольно громко сказал Валенс.

И будто дожидаясь этой реплики, Адриан споткнулся. Его нога соскользнула с небольшого камня, трибун упал на одно колено. Приск тут же подскочил и нанес рубящий удар. Адриан парировал. Еще удар. Снова блок. После чего трибун еще успел сделать выпад, который Приск, правда, почти без труда, парировал мечом. Теперь Адриану надо было опасаться еще удара умбоном⁴⁸, которым в таком положении можно нанести тупой, но ощутимый удар в голову.

Все! Теперь решающий удар! Приск выставил вперед щит, блокируя меч Адриана, и ударил острием клинка прямо в грудь противнику.

---

⁴⁸ Умбон – металлическая, выступающая деталь щита, прикрывал левую руку и позволял наносить удары.

Трибун был в лорике, но острие скользнуло между птериг, жаля Адриана под мышку. Приск тут же отдернул меч – ему показалось, что клинок вошел неглубоко.

Адриан стал медленно валиться на бок. Легионеры ахнули. Кто-то рванулся вперед, к раненому, но легат Наталис предостерегающе поднял руку. В следующий миг все уже орали. Кричал и Приск – от нестерпимой боли. Скрючившись, он катался по траве. Адриан же поднялся, как ни в чем не бывало, подошел к своему противнику и несильно ткнул трухлявой корягой в лицо. Приск перевернулся и скатился на несколько футов вниз по холму. Адриан же пошел наверх, к Наталису.

Валенс подошел к Приску, ухватил под мышки и усадил на камень. Нога на глазах набухла, ставясь похожей на уродливую бутылку.

Легионер, у которого Приск позаимствовал оружие, подошел забрать щит и меч. Подоспевший к приятелю Кука снял с проигравшего шлем и отдал легионеру. Тот снисходительно усмехнулся, напяливая шлем на макушку, потянулся за щитом.

– Адриан... – многозначительно сказал легионер.

– Адриан! – заорал вдруг Приск, превозмогая боль в ноге.

– Что еще? – военный трибун оглянулся.

В ответ Приск вытянул руку с мечом. На острие сверкала алая капля. Кровь.

Адриан провел рукою под мышкой, посмотрел на пальцы.

Они стали розовыми – кровь из ссадины смешалась с потом.

– Он тебя достал! Он достал! – закричал Наталис как мальчишка и захлопал в ладоши. – Уговор был хотя бы на один укол!

Следом радостно заорал легионер, тот самый, что решился сделать ставку на новичка.

– Очуметь! – покачал головой Малыш.

Адриан развернулся, сбежал вниз, небрежным жестом запустил пальцы в висевший на поясе кошелек и протянул новобранцу три серебряных денария.

– Ну что ж, парень, очень даже неплохо. Это тебе на лечение. – Он ободряюще похлопал раненого по плечу. – Ты хорошо дрался. Уверенности не хватает. А так – очень даже недурно. Сразу видно, учитель у тебя был дельный. – Он наклонился ниже. – Так кто, парень, научил тебя такому удару? Скажи... а...

– С-случайно вышел, – ответил Приск. Его трясло.

– Врешь. Ничего случайного в этом ударе нет. Марк Ульпий Траян знает этот удар. Еще два-три человека в Риме – быть может. Я знаю. И ты – откуда?

– Человек, который мне его показал, умер.

Трибун нахмурился, потом огляделся, как будто что-то прикидывал, но не сказав ничего, повернулся и зашагал назад к легату.

У Приска вдруг запрыгали губы.

Центурион положил ладонь ему на плечо.

– Не хнычь! Ногу он тебе не сломал, хотя мог. Ты притворяешься. Совсем не больно!

– Я не от боли, – замотал головой Приск.

– Это хороший урок всем вам, желторотые, – обратился к тиронам Валенс. – Оружие – не только щит и меч, а все ваше тело. В настоящей схватке удар ногой может переломать кость и изувечить навсегда.

Кука тем временем намочил в ближайшем роднике тряпку и приложил к распухшей ноге товарища.

– Отыщи наших фуражиров, забери любого мула и вези его в госпиталь, – приказал Валенс.

– Что ж ты мне не сказал, что хорошо дерешься! – тут же принялся укорять товарища Кука, едва Валенс отошел. – Я бы на тебя поставил.

– А сам не видел?

- Нет! Скирон говорит, ты наверняка на гладиатора учился. И теперь скрываешь...
- Нет, я не гладиатор.
- И я про то же! – подхватил Кука. – Какой из тебя гладиатор! Только откуда ты драться умеешь?
- Это наследственное.

* * *

На другой день все тироны завидовали Приску, который вернулся из госпиталя и принес центуриону записку от медика, вернее, просто щепку, на которой Кубышка нацарапал «освобожден». К тому же Адриан прислал раненому новобранцу подарок – кожаную тунику с птеригами для лагерных тренировок. Тироны могли купить кожаные лорики (правда, качеством куда хуже) за свои кровные, но на счету у каждого и так практически ничего не осталось, и вперед брать в счет жалованья больше не хотелось: надо было сэкономить несколько денариев, чтобы погулять в канабе после выплаты первого жалованья.

Весь день Приск сидел на солнышке, привалившись спиной к барaku, положив ногу на чурбак, а кожаную тунику на колени, и попивал из глиняной бутылки выданную медиком лекарство (вино, разбавленное водой, с медом и травяными настойками). Наблюдал, как его товарищи потеют, пытаясь нанести укол по столбу.

Однако блаженствовал Приск недолго. Надежда, что и на другой день его освободят от тренировок, не оправдалась. Поутру врач наложил на ногу новый пластырь⁴⁹ и отправил новобранца обратно в центурию, предупредив, если нога вновь начнет отекать, чтобы снова явился, а так парень свободен до следующего утра. То бишь обязан приступить снова к трудам военным, и может уклониться лишь от марш-броска. Правда, из-за Приска Валенс отложил заплыв на целых десять дней. О чем не забывал ежевечерне напоминать тиронам.

– Жалеет, что не поставил на тебя пару денариев, – прокомментировал поведение Валенса Кука.

* * *

Наконец в один из теплых вечеров заплыв состоялся, когда до заката оставалось чуть больше часа.

– Не раздеваться! Только калиги снять. Плыть в туниках! Заодно постирушку устройте! – приказал центурион. – А то через три дня к вам будет не подойти, вонючки!

Эск в районе лагеря довольно широкий, выше по течению центурион отыскал удобный спуск к воде, здесь не было кустов и деревьев, как повсюду; у берега жители канабы устроили небольшой пляж – днем сюда прибегали мальчишки из канабы и из ближайших усадеб поплескаться в теплой воде.

Кука, уже привыкший к лидерству, ринулся в воду первым. С берега казалось: вода течет, плавно, неспешно. Но это с берега. А как только парень вошел в воду, течение подхватило его и потащило к Данубию, до которого было менее двух миль.

– Эй, ты куда собрался? К дакам? – крикнул с берега центурион.

Остальные новички стояли у берега по пояс в воде и медлили – не торопясь кидаться в реку и плыть наперегонки. Квинта била дрожь. Приск не боялся, но не хотел геройствовать – эпизод с Адрианом его кое-чему научил.

---

⁴⁹ Врач смешивал лекарственные травы с клейкими веществами и накладывал полученную мазь на рану без бинтов.

– Живо всем в воду! Живо! – Валенс вытянул вдоль спины палкой ближайшего. Ближайшим к нему оказался Квинт. Как всегда.

Квинт взвыл, остальные тут же ринулись в воду – все разом. Квинт окунулся с головой, потом встал на дно – вода доходила ему до груди. Он стоял, растерянно озираясь и не в силах шагнуть дальше, – на глубину и стремнину. Остальные плыли, кто быстрее, кто медленнее. Приск опять же не торопился.

Тем временем Кука, приспособившись к течению, стал приближаться к противоположному берегу. Приск сразу сделал поправку на снос и понадеялся выбраться на левый берег первым. Но его опередил Молчун – парень оказался отличным пловцом. Остальные более или менее успешно пересекли реку. Все, кроме Квинта. Он все еще стоял по пояс в воде, стуча зубами.

– Плыви! – заорал Валенс.

– Ч-что?

– Приказ: плыви!

– Не умею!

– Так учись!

Центурион зашел в воду, ухватил парня за волосы и в два гребка уволок недотепу на стремнину. Здесь бросил – тот, выпучив глаза, ударил руками по воде и тут же ушел под воду. Приск уже видел такую сцену однажды – на Ларии⁵⁰, когда приехавший из Рима на отдых мальчишка решил искупнуться в озере. Там у самого берега – глубина. Причем такая, что если что ушло на дно, никогда не достанешь.

Приск бросился в воду, поплыл, в этот раз не борясь с течением, а позволяя реке сносить себя к Данубию, понимая, что тонущего Квинта точно так же сносит. Расчет оказался верным. Когда во второй раз Квинт вынырнул на поверхность и судорожно глотнул воздуха, он был всего лишь в трех или четырех футах от Приска. Но прежде чем Приск его настиг, парень опять очутился под водой.

Кука нашел на берегу какую-то ветку и, держа ее в руках, побежал вдаль извилистого русла, но заросший ивняком берег – не самое лучшее место для подобных пробежек, Кука почти сразу споткнулся и упал.

Валенс, добравшись до мелководья на другой стороне, наблюдал за всем, не вмешиваясь.

И все же Квинту повезло: в третий раз он вынырнул рядом с Приском. Тот ухватил неудачника за ворот туники и поволок за собой, пока спасенный беспорядочно бил по воде руками и норовил достать своего спасителя. Однако не преуспел. Приск вытащил тонущего на берег и здесь бросил. Подбежал Кука, перевернул Квинта, как ребенка, положил животом себе на согнутое колено, надавил на спину. Из рта утопленника полилась вода, он стал кашлять и выдираться. Вскоре все тироны собрались возле спасенного – здесь оба берега были пологи, и даже образовалось что-то вроде еще одного маленького пляжа. Но поскольку место это было ниже по течению лагеря и поселка, здесь не купались, памятуя, что все стоки идут именно в Эск.

Валенс подошел неспешно и оглядел своих «героев».

– Хорошо плаваешь, – сказал Приску.

– Я же из Комо, с Ларийского озера...

– Тихо! – вдруг прошипел Валенс и нырнул в заросли.

Приск и Малыш невольно потянулись за ним. Под ветвями растущей у самого берега ивы была спрятана лодка. Внутри лежали весла, пара мешков и что-то еще, накрытое волчьей шкурой. Центурион запустил руку в лодку и извлек меч в ножнах. Не легионерский гладиус, не кавалерийскую спату, а длинный здоровенный меч с кривым лезвием.

---

⁵⁰ Ларий – озеро в Северной Италии, совр. Комо. На берегах его расположено город Комо.

– Фалькс⁵¹, – шепотом сказал центурион и вытянул меч из ножен. Новобранцы как замороженные смотрели на клинок.

Кука, прежде чем ему успел помешать Валенс, запустил руку под шкуру и извлек мешок. Развязал тесемки. В скупых лучах заходящего солнца блеснуло золото.

Центурион тут же выдрал из рук новобранца мешок, вновь затянул тесемки и спрятал добычу под шкуры.

– Все сюда! – свистящим шепотом отдал приказ Валенс.

Тироны мгновенно собрались вокруг него, как цыплята вокруг наседки.

– Это даки. Приплыли с той стороны. К темноте они непременно пожалуют к лодке. Наверняка когда еще будет немного света – иначе не найдут места, а факел они зажигать не осмелятся.

Валенс глянул на небо. Солнце уже скатывалось к горизонту, обводя алым контуром ставшие черными ветви деревьев.

– Времени осталось чуть. Упустить их нам нельзя. Приск! Живо на тот берег и в лагерь, возьмешь мечи на всех и назад. Центуриону, первому, кого встретишь... Кроме Нонния, – уточни Валенс, – скажешь вот что: лазутчики в двух милях от устья. Понял?

– А если трибуна встречу?

– Только если Адриана. Остальных не касается. Сам живо назад. Бегом. Пошел!

Приск бросился в воду.

– Почему он? – плаксиво спросил Квинт и тут же получил по уху.

Но не от Валенса, а от Куки. Но тот и сам огреб оплеуху от центуриона.

– Рук не распускать! – прошипел Валенс. – Вас могу бить только я. Еще раз увижу, что бьешь товарища, – изувечу.

Центурион огляделся, прикидывая, где лучше устроить засаду. Первым делом выбрал два дерева и срубил их фальксом, очистил от ветвей, обрубил макушку и всучил палки Молчуну и Тиресию. Один-два удара эти деревяшки выдержат.

– У кого-нибудь есть оружие?

– У меня нож, – похвастался Кука.

– Отлично. Значит, будешь сражаться ножом. Держи! – он отдал фалькс Малышу. – Ты все время у нас машешь мечом как топором. Так вот, фальксом именно так и дерутся. Держи его двумя руками за рукоять. Запомни – заточен он изнутри. Понял?

– Угу.

– Остальным снять ремни, намотать на правую руку, будете бить пряжками. Лазутчиков должно быть максимум трое. Справимся, даже если Приск не поспеет. Теперь в укрытие. Малыш, Тиресий, Крисп, Скирон – возле лодки. Тиресий – старший. Остальные за мной.

Тироны вместе со своим центурионом нырнули под ветви. Валенс срезал кинжалом щепу с палки Молчуна и протянул Квинту.

– Зажми зубами. Если услышу клацанье, горло перережу. Дышите неслышно. У даков слух воистину звериный.

* * *

Приск выбрался на другой берег и побежал трусцой. Влажная земля чавкала под босыми ногами. Был соблазн рвануть что есть мочи, но он знал, что тут же спечется, и толку от него будет мало. Казалось, они совсем немного отошли от лагеря, ан нет, вышло, что уже изрядно. Хорошо, дорожка тут натоптанная любителями рыбалки. Небо за рекой подыхало алым – вре-

---

⁵¹ *Фалькс* – дакийский меч с кривым лезвием, заточенным по внутренней стороне. Длина рукояти с клинком около полутора метров. Рукоять можно было держать двумя руками.

мни оставалось в обрез. Когда золотая колесница Феба закончит дневной бег, небо станет уныло синим, а предметы едва различимыми, даки вернутся к своей лодке.

Как ни экономил Приск силы, он все же взял темп слишком быстрый для такого броска: в горле уже саднило, под ребрами резало, а ноги сделались ватными.

«Надо будет найти серные факелы и еще – лошадь!» – сообразил он, уже когда был у преторских ворот лагеря, что смотрели в сторону реки.

– Пароль! – выступил вперед караульный.

– А... – на миг Приск растерялся, дыханье с хрипом рвалось из груди.

Ночная стража еще не сменяла дневную, этот же самый часовой выпускал их из лагеря, но просто так впускать назад не спешил.

– Пароль!

– Корнелий Фуск и счастливый случай!⁵² – вспомнил Приск записанную на тессере фразу. Наверняка это Адриан изгалялся, придумывая эту глумливую чушь.

– Проходи!

Приск ворвался в лагерь. Ему повезло – вернее, повезло им всем. Первый, кого он встретил, оказался знаменосец Мурена, он о чем-то спорил с новым караульным, готовым заступить на пост.

– Эй, тирон, – засмеялся Мурена, – на тебе лица нет. Никак даки напали!

– Почти! Лодку нашли. Лазутчиков ждем... а мечи...

Мурена кивнул, с полуслова понял, в чем дело.

– В казарму за оружием не беги, далеко. Я тебе из караульни вынесу все, что надо. Марк! – окрикнул он одного легионеров. – Живо, приведи парню лошадь. Лучше Крепыша, он еще не расседлан. Хорошо верхом ездешь? – обратился к Приску.

– Неплохо.

Мурена вынес из караульни шесть мечей, два пилума и щит.

– Я не доброшу пилум через реку, – признался Приск.

– Пилумы не тебе. Мечи бери. Сколько лазутчиков?

– Пока не знаем. Валенс думает – трое. Или четверо. Не больше.

Мурена вытащил мечи из ножен и завернул все клинки в кусок кожи.

– На ту сторону поплывешь – мечи сложишь в щит, будешь держать руками щит, а плыть, работая ногами.

– Может быть, плыть вместе с лошадей?

– Не выйдет. Дорог каждый миг. Пока будешь эту тварь загонять в воду, время упустишь.

И наверняка повод потеряешь в воде. Крепыша унесет в Данубий – и все дела.

Тем временем Марк привел Крепыша. Мурена подставил руки, и Приск вскочил в седло.

– Слишком узду не рви – Крепыш этого не любит.

Мурена вложил связку мечей в колчан для пилумов, подал Приску щит.

– Надо центуриону сказать.

– Я скажу... – Мурена хлопнул ладонью Крепыша по крупу.

Конь с места взял в галоп.

– Пароль! – запоздало крикнул часовой.

– Корнелий Фуск и счастливый случай! – донеслось из темноты.

* * *

Как зачарованный Кука смотрел на гаснущее небо.

---

⁵² Ирония пароля в том, что Корнелий Фуск, как уже говорилось, погиб у перевала Боуты вместе с легионом «Жаворонки».

«Ну еще чуть-чуть, ну еще... Боги, ну хоть разок подумайте не только о себе! Ведь не может, не может такого быть, чтобы Приск не успел».

Но небо неумолимо тускнело. Уже с трудом можно было различить ветви на кустах по другую сторону от прогалины.

И тут Кука услышал, как хрустнула ветка. Потом сдавленный окрик. Потом вновь шаги. Очень осторожные, тихие. Кажется, шли двое. Валенс тронул Куку за плечо и показал три пальца. Значит, трое. Третий двигался неслышно, только опытный центурион сумел различить его поступь.

Еще миг, и из кустов действительно вышли трое. Двое одетые как фракийцы или даки – в длинных льняных рубахах и шароварах. У одного на поясе висел фалькс, с другой стороны – кривой нож. У второго был только нож. Третий... тут был сюрприз. Третий был солдатом вспомогательных войск – в чешуйчатой лорике, на правом боку – гладиус. Все трое о чем-то заговорили на фракийском наречии. Валенс вслушивался. Квинт вновь стал дрожать – Валенс надеялся, что стук зубов о деревянную щепку даки все-таки не расслышат. Небо еще не до конца погасло, и в густой синеве висело надкусанное серебряное блюдо Селены, подсвеченное кровавым ореолом.

Наконец даки и солдат обнялись на прощание, и тут Валенс скомандовал:

– Вперед!

Он первым выскочил из засады, за ним Кука с ножом в руке.

В зарослях послышал возня, с ревом вырвался из сплетенных ветвей Малыш, будто разъяренный лесной божок.

Все трое лазутчиков мгновенно встали в круг, причем напротив Валенса оказался вооруженный фальксом дак. Тускло блеснул клинок при свете луны. Валенс, вооруженный мечом и кинжалом, попытался сделать обманный выпад мечом, но не преуспел – дак разгадал его хитрость и парировал удар.

– Ребята, вы что, взбесились! – закричал солдат-ауксилларий⁵³. – Я – свой. А это – торговцы...

Новобранцы на миг отступили. Сделал шаг назад и Валенс.

– Бросьте оружие! – приказал центурион. – И марш со мной в лагерь – там разберемся.

Ауксилларий выругался, потом выдохнул:

– Нет, не так. Я пойду с вами, этих отпустите! – потребовал солдат.

– Сдавайтесь! Получите жизнь.

Дак что-то выкрикнул на своем наречии.

– Тиресий, камни! – закричал Валенс. – Кидайте в них камнями. Оглушайте!

Он надеялся захватить всех троих живыми.

Новобранцы тут же кинулись выполнять приказ. Все разом, и в этом была их ошибка. И в какой-то степени ошибка Валенса тоже – крикнув «Тиресий», он велел заняться камнями подразделению Тиресия. Новобранцы этого не поняли. Прежде чем первый камень ударил в окруженных, дак сделал попытку прорваться к лодке. Взмах фалькса, и Крисп с воем покатился по песку. Правда, второй удар варвару нанести не удалось – на дака с ревом бросился Малыш, ударил с такой силой, что дак невольно попятился. Тут подоспел Валенс, еще миг, и он всадил бы даку меч под ребра, но тут самому центуриону нанесли удар кривым ножом в спину. Лезвие соскользнуло с чешуйчатой лорики, но сам удар был такой силы, но Валенс потерял равновесие и растянулся на песке.

Ауксилларий прорвался к реке.

---

⁵³ Ауксилларий – солдат вспомогательных войск.

* * *

Когда Приск добрался до просвета в кустах и тропки, ведущей к берегу, то уже понял, что опоздал. На той стороне кипел бой. Приск соскочил на землю, обмотал узду вокруг ближайшей ветки, рванул из колчана связку мечей, бросил их в щит и с разбегу ринулся в воду. Поплыл. Думал, что пересечет реку вмиг. Ошибся. Ноги сделались какими-то чужими. Другой берег почти не приближался.

«Их же всех перебьют!» – билась в мозгу мысль.

Уже совсем стемнело.

«Я не увижу, кто свой, кто чужой».

Факелы! Он забыл на той стороне факелы.

Возвращаться было поздно – на самом деле Гай плыл не так уж и медленно и был уже был на середине реки.

Ну же, скорее! Скорее!

Он попытался встать на дно. Слишком рано! Ушел с головой, ноги увязли в густой каше речного ила. К счастью руки удержали на поверхности щит и мечи.

Приск вынырнул, вновь поплыл. Еще несколько вялых толчков ногами, и он встал на дно. Пошел. Споткнулся. Вода уже была по пояс. К нему подскочил кто-то.

«Все, смерть!»

Но этот кто-то ринулся в воду, обдав Приска брызгами и, отчаянно молотя руками, поплыл к противоположному берегу.

– Меч давай! – Теперь рядом очутился Кука.

Приск рванул кусок кожи. Слишком сильно! Из лодочки-щита клинки посыпались в воду. Кука все же успел ухватить одну из рукоятей и понесся назад в свалку. Приск стал нащупывать клинки на дне. Почему-то не отыскал ни одного. Не Орк⁵⁴ же их все сожрал! Где же!

Наконец пальцы ухватили рукоять. Приск шагнул к берегу.

И тут из темноты возник дак с фальксом в руках.

«Откуда он?» – растерянно моргнул Приск.

– Бей! – взревел кто-то в темноте.

Дак сделал выпад. Приск отбил – инстинктивно. Потом ударил сам. Ноги увязли в иле, тирон не мог ни отступить, ни шагнуть вперед.

Тут кто-то налетел на его противника сзади, наскочил, обхватил за шею. Приск всадил меч в незащищенное бедро. Но и дак, похоже, успел ударить – назад. Приск выдернул меч и ударил вновь в – в другую ногу. Оба – и его противник, и его спаситель рухнули.

– Живым брать! Живым! – раздался голос Валенса.

Приск, совершенно обессиленный, наконец выбрался из воды и опустился на песок.

На той стороне реки уже мелькали факелы – прибыло из лагеря подкрепление.

* * *

Назад они переплыли реку на сооруженном наспех при свете факелов плоту. Крисп с разрубленной до кости левой рукой, уже перевязанный, лежал без сознания. Рядом положили двух крепко-накрепко связанных ремнями пленников – двух даков. Один, которого ранил Приск, был совсем плох, ему перетянули ремнями ноги повыше ран, чтобы не истек кровью. Из новобранцев, кроме Криспа, ранены были еще трое – Малыш, Тиресий и Кука. Правда, в отли-

---

⁵⁴ Орк – в римской мифологии чудовище из царства мертвых, пожирающее тела умерших.

чие от Криспа, они отделались царапинами. Валенс так же получил неглубокую рану, и чтобы не задерживаться, просто затолкал под лорику кусок туники и поверх стянул ремнем, остановив кровь.

Первым, кого Приск увидел подле привязанного Крепыша, был Мурена. Знаменосец зажег позабытые Приском факелы и воткнул в песок. Тут же лежал солдат-ауксилларий, впечатление было такое, будто он целует ноги знаменосцу, вымаливая прощение.

– Далеко парень не убежал, – ухмыльнулся Мурена.

Валенс наклонился над убитым, перевернул лицом вверх.

Парень уже не дышал.

– Надо было брать его живым, – мрачно заметил Валенс. – Для допроса.

– Смотри, что я у него нашел.

Мурена продемонстрировал бронзовый кошелек.

– Много денег? – мрачно спросил Валенс.

Мурена побренчал содержимым:

– Хватает. Но не это главное. На кошельке выбито имя. Эта вещица того убитого легионера, тело которого нашли твои шустрые ребята. Уяснил, о чем я?

На той стороне замелькали огни: легионеры переправились через мост выше по течению и теперь обыскивали кусты.

Тем временем из лагеря подоспели капсарии и легионные рабы с носилками. Перегрузив раненых, рабы побежали в лагерь трусцой. От тряски Крисп очнулся и застонал.

– Аккуратней! – крикнул им Валенс, не поспевавший следом.

– Вы – мои должники! – крикнул им вслед Мурена, отвязывая Крепыша.

– Не волнуйся! Отблагодарим! – отозвался Валенс.

* * *

Внутри за воротами лагеря выстроилась целая центурия. Рядом с центурионом стоял Декстр. В этот раз он был в лорике центуриона и в шлеме, но без положенного поперечного гребня, и плащ на нем был не военный, а все тот же, серый, с капюшоном, плащ погонщика мулов. Свой меч Декстр носил слева как офицер, а справа к поясу привешен был кинжал – кривой фракийский, точь-в-точь таким орудовал дак в недавней схватке.

Увидев носилки, Декстр шагнул к пленникам, небрежно пропустил раненого Криспа, зато внимательно оглядел даков. Нахмурился.

– Где третий? – спросил.

– Убит, – отозвался Валенс.

Декстр резко выпрямился, глянул на Валенса волком:

– Надеюсь, это не тот, о ком я думаю.

– Хватит угроз, Декст, – огрызнулся Валенс. – Это же даки!

– Третий тоже был дак?

– Нет, ауксилларий. Но он пытался удрать.

Декстр зарычал, рванулся к воротам и исчез в темноте, только хлопнули полы плаща крыльями ночной птицы.

– Декстр? Кто он, этот Декстр? – спросил Кука, плетущийся за носилками.

– Центурион без центурии, – отозвался Валенс, провожая исчезнувшего в темноте центуриона. Потом, спохватившись, приказал:

– Всем тиронам в больницу, пусть осмотрят медики. Кому что назначат – выполнять!

– Декстр – фрументарий, – сказал Приск. – Снабжает легион хлебом.

– Не отравись этим хлебом! – остерег его Валенс.

Глава V

Первые ошибки

Лето 849 года от основания Рима Эск. Нижняя Мезия

Раненых Кубышка отправил на перевязку, остальных – в бани при госпитале – натираться маслом да париться до одурения в сухой парильне. После чего тироны перешли в горячее влажное отделение, и тут уж ими занялся иатрилипт⁵⁵, который разминал их тела так, будто это не человеческая плоть, а куски податливого воска. Потом последовали бассейн с прохладной водой и чаша горячего вина со специями. Заедали кусками жареного мяса.

– Госпиталь для легионера – это как загородная вилла для аристократа! – усмехнулся Молчун. – Остаться бы здесь дней на десять!

– Это бы хорошо! – отозвались остальные.

Однако пожелания их не сбылись. Всех, кто не был ранен, наутро выставили из госпитального барака. Правда и заниматься в этот день они ничем не должны были – легат Наталис милостиво даровал тиронам день отдыха после бурной ночи.

Приск тут же отправился на место ночной драки – искать в реке так и не найденные два клинка. Повсюду в прибрежных зарослях слышались шелест и хруст веток, будто стадо кабанов явилось на водопой – это с рассвета легионеры обшаривали берега Эска, выискивая все подозрительное. Тело убитого ауксиллария уже унесли – куда именно, было Приску неизвестно. Он вновь, как накануне, переплыл реку, только в этот раз погрузив на маленький самодельный плотик одежду, чтобы потом не сушить тунику на теле. Отыскав место, где, судя по всему, вчера упустил клинки, принялся осматривать дно. Вода в Эске и так темная из-за торфяной почвы, вмиг сделалось мутной, ничего на дне было не разглядеть. Приск стал ковырять дно палкой в надежде натолкнуть на утонувший меч.

– Случайно не этот клинок ищешь? – раздался насмешливый голос.

Приск поднял голову. На берегу стоял Декстр. Как и накануне – он был в лорике и при оружии, только в этот раз без серого плаща и без шлема. Вернее, шлем лежал на плоском камне близ берега.

– Я вчера переправлялся и выронил в воду два клинка, – признался Приск.

– Знаешь, что бывает с тем, кто потерял в битве свой меч? – поинтересовался центурион.

– Знаю. Да только в битве шестью гладиусами не дерутся. Так что можно сказать, у меня треть клинка обломилась.

Декстр рассмеялся, покачал головой.

– Ум шустрый. Держи! – Декстр швырнул на песок два клинка. – Впредь не раскидывай римское оружие где ни попадя. И давай, вылезай из воды, замерзнешь.

Декстр сейчас вел себя так, будто был не центурионом, а старым приятелем Приска.

– Эти парни – лазутчики? – спросил Приск, выбираясь из воды.

Он напялил сухую тунику, присел на старую корягу. Декстр протянул ему флягу с вином, тирон сделал пару глотков и вернул флягу хозяину.

– Дакийское вино, весьма неплохое, – заметил Декстр. – А скажи мне, друг мой Приск, зачем ты вплавь перебирался через реку, если выше по течению Эска есть мост? А? И ночью мог бы через мост прискакать.

– Н-не знаю... В самом деле...

---

⁵⁵ Иатрилипт – специальный врач-массажист, который занимался долечиванием пациентов с помощью массажа и водных процедур.

– Учись выбирать самые удобные пути, друг мой Приск, если тебе не приказано что-то конкретное. Ты понял?

Приск кивнул.

Декстр сделал в свою очередь пару глотков и вернул ошеломленному тирону флягу:

– Держи, это тебе.

– Флягу вернуть? – спросил Приск.

– Оставь себе, дарю. Твои друзья почти все ранены, а на тебе ни царапины. Да еще дака уложил.

– Видимо, меня сберег мой гений, – пробормотал Приск.

– Валенс тебя сберег, простодушный ты мой. Кстати, раненый в ноги варвар умер. С первым убитым тебя.

– Скажи... Сенатор Афраний Декстр – твой родственник?

Того, что последовало за этим вопросом, Приск предвидеть не смог. Декстр вскочил, схватил новобранца за горло, да так, что у того все поплыло перед глазами. Когда пришел в себя, понял, что лежит на земле лицом в низ, в рот понабилося песку, а колено Декстра упирается ему в спину.

– Никогда, – услышал он над собой страшный свистящий шепот, – никогда не произноси это имя.

А потом Декстр отпустил его, и Приск услышал удаляющиеся шаги.

– Сумасшедший... Его под опеку надо отдать, а не центурионом в легионе ставить, – пробормотал тирон, поднимаясь и сплевывая песок.

С четверть часа Приск сидел на камне, понемногу отхлебывая из фляги и приходя в себя. Лезть в воду снова не хотелось. В самом деле, почему бы не прогуляться вверх по течению к мосту.

* * *

Следующие четыре дня новобранцы тренировались без Валенса. Да и то не все – Крисп, похоже, застрял в госпитале надолго, Молчуна тоже решили малость подлечить, зато обклеенный пластырями Кука и украшенный здоровенной шишкой Малыш присоединились к остальным в бараке. В отсутствие Валенса опцион гонял новобранцев бегом вокруг пастбища, а потом на поле рядом с лагерем заставлял метать пилумы. В дальние пробежки тироны больше не отправлялись. Тренировки под руководством опциона всем пришлось не по нраву. Он суетился, отдавал ненужные команды, отменял собственные приказы и, главное, вооружившись Валенсовой палкой из лозы, охаживал бока тиронов по делу и без всякой вины, лишь бы показать свою власть. Двух часов оказалось достаточно, чтобы понять, чем отличается хороший командир от плохого.

* * *

– Могли бы и наградить нас за проявленную ночью смелость! – злился Скирон. – Подарить по серебряному денарию и дать выходной с отпуском в канабу. А так ни благодарности, ни поблажек. Только дерут, будто мы какие-нибудь козлы отпущения.

День выдался жаркий, вечером, ополоснувшись холодной водой и простирнув наскоро ставшие за день солеными туники, новобранцы без сил валялись на койках. Солнце уже село, началась первая ночная стража. Окно было занавешено, на сундуке горел бронзовый светильник (светильник привез с собой Приск, как и большинство вещей, поступил в общее пользование). Квинт уже храпел, Тиресий что-то пытался стачать костяной иглой из двух кусков кожи, остальные лениво переговаривались. У Куки был при себе стаканчик с костями, но садиться

играть с ним с недавних пор никто не желал: и так все, кроме Приска, успели проиграть неаполитанцу по два, а то и по три денария из не полученных пока денег. Приск же не задолжал лишь потому, что играть с Кукой не садился, справедливо рассудив, что человек, работавший банщиком в Байях, честно играть не может.

Было жарко и скучно. Приск сходил за чистой водой, разбавил вино из фляги Декстра, высыпал туда пряностей и разлил напиток по глиняным самосским кружкам. На закуску он купил у Гермия для общего стола кусок жареной оленины. Вино и оленина исчезли мгновенно.

– Великие боги, ну почему все время хочется есть?! – выразил общее возмущение Малыш.

В ответ все лишь вздохнули – кто громко, кто совсем тихо. Даже Квинт вздохнул во сне, поддерживая товарищей.

– Эй, новички! – раздался низкий насмешливый голос.

Приск приподнялся на кровати и посмотрел на дверь. В проходе стояли двое.

– Хватит дрыхнуть, есть на свете вещички и получше Морфея! – заявил незнакомец.

– Кто ты? – спросил Кука с верхней койки.

– Я – Фирмин. Он – Арриан! – обладатель баса ткнул кулаком в бок своего товарища.

Легионеры были без лорик, в одних простых туниках из некрашеной шерсти, но у каждого через плечо на перевязи висел меч. Сразу видно, что они уже лет по десять отслужили, заматерели, задубели. Типичные ветераны или даже принципалы⁵⁶. У Фирмина в волосах уже пробивалась ранняя седина, на подбородке алел шрам, а плечи раздались так, что казалось – легионер в дверь не пролезет. У его приятеля нос был сломан, и сломан, видать, не раз, превратившись в безобразный бесформенный нарост. Арриан выглядел пожиже товарища, но все равно было ясно, что любого из новобранцев перешибет одной левой, разве что против Малыша не устоит. Оба легионера были коротко острижены, волосы торчали ежиком.

– Дело есть, не пожалеете! – повторил Фирмин.

Кука и Приск переглянулись.

– В канабу хотите? Там такие девочки! – Фирмин причмокнул.

– Обычные грязные девки, – заметил Кука небрежно. Не его, банщика развратного курорта, соблазнять потасканными дикарками.

– Не хочешь в канабу? – Фирмин разыграл удивление.

– А в чем дело-то? Нам отпуск не давали, – огрызнулся Скирон.

– На декуманских⁵⁷ воротах мой человек стоит, – заявил Фирмин. – По два сестерция с носа – и вы в канабе. За один сестерций девчонка будет ублажать целый час. Хоть одного, хоть двоих...

– Приск, дай мне три сестерция, – подавшись вперед, горячо зашептал Скирон. – Дай, говорю, как только компенсацию за проезд выдадут, сразу отдам. У тебя есть, ты денарий уже разменял.

Приск посмотрел не на Скирона, а на Фирмина. Тот нагло оскалился и подмигнул Приску. Этот парень, похоже, знал про денарии Адриана. Потому и пожаловал.

– Не нравится мне этот тип, – пробормотал Приск.

– Эй! – повысил голос Фирмин. – Это ты, тощий, богат, как Крез, а друзьям помочь не желаешь? А? Не желаешь – так мы сами возьмем. Где у него денежки – на поясе? Эй, кто хочет повеселиться, держите его...

Фирмин шагнул в комнату.

В следующий миг Арриан обхватил Приска за шею и слегка придушил, Арриан снял с руки кошелек.

---

⁵⁶ *Принципал* – младший офицер. Хотя термин «офицер» по отношению к римской армии весьма условное.

⁵⁷ Декуманские ворота – задние ворота лагеря, находились с противоположной стороны от преторских.

– Все честно, лишнего нам не надо, – сказал Арриан, и отсчитал три сестерция. Кошелек швырнул на койку.

Фирмин отпустил новобранца. Но при этом вроде как не сильно дернул за руку. Полузадушенный Приск впечатался скулой в стойку верхней кровати. В глазах у него потемнело.

Остальные новобранцы окаменели.

– Как зовут тебя? – спросил Фирмин у искателя приключений.

– Скирон.

– Ты – настоящий римлянин, Скирон! Так надо всегда. Воевать – так воевать, отдыхать – так со вкусом.

Незванные гости вышли из барака чуть ли не в обнимку со Скироном.

Кука соскочил вниз, едва хлопнула входная дверь.

– Ты как? – обратился к Приску.

– Великолепно! – пострадавший намочил в холодной воде из кувшина тряпку и приложил к скуле.

– Валенса в казарме нет. Потому эти двое и пожаловали. Опцион им не помеха, – тут же во всем разобрался Кука.

– Никто не понял, что произошло? – вдруг спросил Молчун.

– Я понял, – пробормотал Приск. – Скирон – подлюга, меня избили, а вы все застыли, будто узрели Медузу горгону.

– Фирмин забрал только три сестерция, – Молчун как будто и не заметил упреков. – Он что, девка из борделя? Или сам будет ублажать нашего Скирона?

– Может быть, он сам деньги девкам передаст... – предположил Квинт, успевший проснуться.

Все так и покатались со смеху. Даже Приск усмехнулся и тут же застонал сквозь зубы.

– Мы все жиденько обделались, – подвел итоги вечера Кука.

* * *

Искатель приключений появился в бараке только к концу четвертой ночной стражи, когда уже совсем рассвело. Ввалился, рухнул на свою койку.

– Ну, как? Повеселился? – спросил шепотом Кука.

В ответ Скирон протяжно завыл.

– Видать, ему девки не понравились! – хмыкнул Тиресий.

Скирон вскочил, кинулся на него с кулаками, но тут же отлетел к стене – у Тиресия оказалась неплохая реакция, а удар кулака – будто удар молота в кузнице.

– Ты еще получишь за все... за все сочтемся... – заскулил Скирон.

– Это ты получишь! – прогудел Малыш.

– Отвяжись!

– Точно, девки не удовлетворили, – сокрушенно покачал головой Кука.

– Ты нас всех подставил, – сказал Тиресий. – Искупать будешь кровью.

Ответную реплику Скирона заглушил сигнал трубы. Все вскочили.

* * *

Когда новобранцы построились, появился Валенс. Как всегда в лорике, в шлеме, и со своей палкой, которую он успел отобрать у помощника. Тироны смотрели на центуриона почти с любовью. Чего нельзя было сказать о Валенсе. Довольно долго он разгуливал взад и вперед, похлопывая себя палкой из виноградной лозы по металлическим поножам. Было

ясно, что о ночном приключении Валенсу известно во всех подробностях. Так что тироны покорно ждали разноса.

– Что у тебя с лицом? – спросил центурион наконец, останавливаясь напротив Приска.

– Упал. С койки.

– Да? Так неудачно? Ты же вроде внизу спишь.

– Внизу, – подтвердил Приск.

– Запомни, падать с койки тоже надо уметь. Ясно?

– Я понял.

– Да знаю, знаю, ты у нас понятливый, в отличие от некоторых, – центурион остановился напротив любителя ночных приключений. – Если кого Юпитер решил наказать, тому бедолаге он мозги отшибает. Скирон, тебя Юпитер явно невзлюбил. Неужели ты думал, Скирон, что тебя, сосунка, кто-нибудь собирался выпустить в канабу к девкам? А? Ты сестерции отдал Фирмину, так ведь? Дошел до ворот, а там... – голос Валенса зазвучал почти ласково, заботливо, ну точь-в-точь отец семейства, наставляющий с любовью младшенького, нерадивого сынка. – Тебя выпустили за ворота?

– Нет, – промямлил Скирон.

– Громко отвечать! – рявкнул центурион, внезапно переходя от мягких отеческих интонаций к самым зверским.

– Нет! – срывающимся голосом выкрикнул Скирон.

– А, то-то же, – голос Валенса тут же сделался ласков. – Рассказать вам, дорогие мои, что случилось с нашим глупым Скироном? Да то же самое, что с десятками других дурачков. Дошел он до ворот, там его встретил караульный и сделал вид, что вот-вот выпустит нашего героя. Потом огляделся, прошептал испуганно: «Центурион идет, прячься!» И толкнул тирона в каморку рядом с караульней, а для надежности запер дверь. Просидел наш парень в этой каморке до следующей стражи, боясь пошевелиться. Стража сменилась, тут только понял глупый Скирон – что-то не так. Стал скрестись. Его выпустили. Только новый караульный ни про какой уговор ничего не знал, никаких сестерциев за выход из лагеря не получал, и погнал он нашего Скирона, охаживая древком копыя по мягкому месту. Так ведь все было?

– Так, – мрачно выдавил Скирон.

– Неужели понятливый? А ты, Приск, у нас понятливый?

– Да, центурион!

– Не слышу, громче!

– Да, центурион!

– Если ты понятливый, Приск, то почему ты отдал свои сестерции Скирону на поход к бабам? А?

– Из дружеских чувств.

– Из дружеских чувств в бою своим щитом раненого товарища прикрывают, а сестерции на поход к бабам дают из трусости перед всякими Фирминами. Ясно?

Кто-то хихикнул, кажется, Кука.

– А ты Кука, старший в контубернии, почему не приказал Фирмину убраться из казармы? А? Это наша казарма, пятьдесят девятой центурии, без приказа тут нечего делать никому из легионеров! Он что тессарий, этот Фирмин, пароль на завтра тебе принес?

– Нет, центурион!

– Тогда почему ты его не выставил?

– Так я, он...

– Сильнее тебя?

– Наверное.

– А если дак сильнее тебя, ты ему что отдашь? Меч? Щит? По-собачьи встанешь, задницу побреешь и подставишь?

– Я...

– Молчать! Приготовиться выполнять приказы! – закричал Валенс без всякого перехода. – Разобрать груз и на пробежку марш! Коли вам к девкам захотелось, значит, мало вас гоняю. Ну, ничего, я этот недочет исправлю. Десять миль с грузом. Марш!

– Я умру, точно умру, – пролепетал Скирон. – О, боги, я думал, здесь, в легионе настоящее братство, а здесь, как и повсюду: человек человеку волк.

– Не ищи друзей там, где их нет, – процедил Приск сквозь зубы, не оборачиваясь.

– А что теперь?

– Фирмин явится вновь.

Скирон вмиг отстал. Его место занял Кука.

– Приск, ты знаешь, что сделали с теми двумя, что мы пленили? – спросил сдавленным шепотом.

– Один умер.

– А второй?

– Откуда мне знать?

– Его запытали до смерти.

Приску невольно вспомнился Декстр на берегу – мягкий вкрадчивый голос, веселый взгляд.

А ведь он волк. Волк, который улыбается.

– Зачем его пытали? – спросил Приск. – Что хотели узнать?

– Извини, я не присутствовал.

– Они к кому-то приходили. К кому-то в канаве. Или в лагере. Декстр хотел узнать к кому, – Приск сделал вывод без помощи Куки. – Убитый ауксилларий только посредник.

– А, может, они в лупанарий приходили! – заржал Кука.

– Что смешного? – возник рядом Валенс, будто волк из басни.

– Да вот, представили, как Скирон в караульне отсидел всю стражу, – нашелся Кука. – За это зрелище трех сестерциев не жалко.

– Бегом! – заорал Валенс.

* * *

– Взять учебное оружие! – приказал центурион после дневного перерыва. – Сегодня индивидуальные поединки. Обычных легионеров этому не учат, но вас будут учить. Марш на поле!

В этот первый день тренировок Валенс ругался так, будто небесный свод должен был вот-вот обрушиться на землю. Никого не похвалил, никому не сказал доброго слова, даже Приску, который выиграл все семь поединков с товарищами. Малыша честил в хвост и в гриву, хотя тот сумел вышибить деревянный фалькс из рук иммуна.

А потом предрек:

– Если будете так драться, вас всех убьют через пару лет. Всех.

Потом подошел к Приску и спросил шепотом:

– Долго был в гладиаторской школе?

– Я не был, клянусь...

– Не ври. Я же вижу, кто ты: аристократик, жаждущий приключений. Сначала на арену решил податься, потом пожаловал в легион. Мне в принципе все равно. Я тебя выдавать не стану. А вот с Декстром будь осторожен.

– Да я всего два раза с ним говорил, – смутился Приск.

– Многим и одного раза хватило.

Невольно всплыли в памяти слова Куки: будто пленника запытали до смерти. Приск содрогнулся.

– Что, проняло? – усмехнулся Валенс.

* * *

Приск не ошибся, Фирмин пожаловал на другой вечер.

В этот раз, правда, один, уверенный в своей силе.

– Эй, Скирон, тебя ждут в борделе! – выкрикнул весело, глумливо.

– Не ждут, – вяло огрызнулся Скирон.

– Ждут, ждут. Три сестерция, и все девки твои. В этот раз никаких караулен. Все по-честному.

– Как же, – недоверчиво хмыкнул Кука.

– А тебя не спрашивают, нарост дерьма из грязных латрин, – пресек неуместный выпад Фирмин. – Быстро, Скирон, бери у нашего казначея монеты, и пошли.

Скирон соскользнул с койки и неуверенно шагнул к Приску.

– Гай, слушай...

– Нет.

– Это кто там вякнул «нет?» – тут же влез в разговор Фирмин. – А ну открывай замочек на кошеле, иначе руку отрублю.

– Вышел отсюда! – обмирая от собственной смелости, заорал Кука.

Он соскочил с кровати, шагнул навстречу непрошеному гостю. Голос сорвался, зазвенел.

Приск поднялся следом. Малыш заворочался на своей койке, демонстративно спустил ноги – мол, готов, встать, если что.

Фирмин повел плечом, Кука отлетел к стене. Приск выхватил из-под матраса заранее спрятанный туда учебный меч. Убить им не убьешь, но приложить можно хорошо. Но ударить Приск не успел – неведомая сила выдернула Фирмина из дверного проема.

– Орк! – только и успел взреветь благодетель Скирона, исчезая где-то в коридоре.

– Фирмин! – раздался голос Валенса. – Ты опять здесь! Сказано – увижу подле новобранцев – изувечу.

И не успел мошенник подняться, как палка центуриона принялась охаживать его спину. Да еще подметкой с гвоздями Валенс добавлял от души. Фирмин только охал, пряча от ударов голову и пах. Потом центурион ухватил легионера за шкирку, выволок из казармы, и уже на улице разошелся вовсю. Новобранцы высыпали поглядеть на представление. Ух, как бил Валенс, с оттягом, не жалея спины, так что туника вмиг пошла полосами, в прорехах на коже заалели рубцы.

– Поймаю кого в канабе, в три раза больше получите! – пообещал центурион тиронам, отирая взопревший после экзекуции лоб. – Фирмин, марш за мной! Латрины мыть, а то в третьей центурии понос, все засрала, мерзавцы! Живо! А ты, Скирон, присоединяйся. Гляжу, не слишком ты устал, коли в канабу захотелось! Шире шаг! Шире! А то за всю ночь не управитесь.

* * *

К концу лета в лагерь прибыло еще человек сорок новобранцев. Их, в отличие от «славной восьмерки» определили в пятьдесят восьмую центурию, в соседний барак. Так что восьми тиронам очень быстро сделалась ясна вся особенность их положения: новобранцев из пятьдесят восьмой тренировали по два ветерана на контуберний, а центурион появлялся лишь для того, чтобы отчитать нерадивых и угостить ударами палки. Зато ветераны не жалели розог, поутру

являлись с целым ворохом этого добра, чтобы к вечеру измочалить все до единой о спины молодняка. У многих ссадины нагнаивались и взбухали алыми язвами. Кормили их, правда, не хуже, чем Приска и его друзей, зато вечером никто не давал этим ребятам отдыха: являлся либо опцион, либо центурион лично и гнал на работы – до самой темноты.

– Я вот что думаю... – сказал Тиресий Приску как-то вечером, разглядывая парней из соседнего барака. – Валенс назвал нас «быками», помнишь...

– Ну...

– А знаешь, каких бычков кормят лучше всего и не заставляют пахать? – и поскольку Приск молчал, ответил сам. – Предназначенных для жертвоприношений, вот каких.

– Значит, – ответил Приск, – мы должны сделать так, чтобы не попасть под жертвенную секиру.

– Что именно?

– Я думаю.

Тиресий взял его левую руку, повернул ладонью наружу.

– Думай быстрее, старик, тебе грозит опасность.

Глава VI

Фирмин

Лето 849 года от основания Рима. Эск. Нижняя Мезия

Три когорты выстроились на плацу с полным вооружением, с грузом на палках-фастигатах – каждый нес запас пищи на три дня, нехитрый скарб, котелок или миску, и два кола для временного лагеря. Когорты уходили инспектировать лимес. От бурга к бургу, от крепости к крепости, и так вдоль Данубия до самых Нов, до лагеря Первого Итальянского легиона, а потом еще дальше, до городов Малой Скифии.

– Готовы? – по обычаю трижды спросил легат Наталис.

– Готовы! – трижды гаркнули легионеры.

Когорты двинулись. Впереди на рыжей кобыле ехал сам легат. Рядом с ним гарцевал на крупном сером жеребце трибун Элий Адриан.

Тиресий вдруг выступил вперед, сказал громко:

– Бойся старого кабана, трибун.

Тот ничего не ответил, лишь глянул на Тиресия пристально, в упор. Потом, уже у самых ворот, обернулся.

Новичков в поход не брали. Они наблюдали, построившись, как покидает лагерь практически половина состава.

– Говорят, жеребец Адриана обрюхатил всех кобыл у наших всадников, – хмыкнул Кука.

– А самих всадников – сам Адриан! – заржал неожиданно тихоня Квинт.

После ухода Наталиса и его когорт лагерь сделался пуст и просторен.

– Что будем делать, если даки нападут? – шепотом спросил Квинт.

Приск думал о другом. Его не даки волновали, а Фирмин: ушел кошмар «славной восьмерки» вместе с легатом, или не ушел. Фирмин был страшнее любого дака. И он нападет, если остался в лагере. Сразу, как только опустится поднятая сотнями калиг пыль. Потому что Валенс тоже уехал из лагеря. С новобранцами должен был разбираться его помощник опцион, который тут же исчез за воротами, отправившись в свой поход – по девкам и тавернам в канабе.

* * *

На ночь новобранцы заложили двери барака брусками изнутри. В каждом бараке имелось по два таких бруса на случай отчаянной осады, чтобы биться за лагерь до последнего, потому как лучше погибнуть в бою, чем умирать несколько часов под пытками или сгнить на рудниках за рекой. Сносный жребий за Данубием ждет лишь тех, кто нарушит присягу и пойдет в услужение к Децебалу. Остальным – либо быстрая и мучительная смерть, либо долгая и мучительная, и выбор этот уже не за пленником. Во всяком случае, так говорили в лагере. Как именно устроена жизнь в царстве Децебала, Приск и его друзья представляли весьма смутно. А если сказать точнее – не знали практически ничего.

После отъезда Валенса опцион, прозванный Скарабеем за вечное скрипенье тростникового пера, да за черный, густой волос, плотно покрывавший голову, как исчез в канабе, так до первой ночной стражи и не появился. Ничего не оставалось новобранцам, как заложить двери, и теперь пробраться в барак можно было разве что с помощью тарана. Правда, мочиться приходилось в ведро, что стояло в дальнем конце коридора. Но они и так обычно не бегали по ночам в общественные латрины, и ведро по утрам выносили по очереди.

Ночью, когда уже пошла третья стража, кто-то принялся ломиться в дверь. Стучал, орал, требовал, чтобы ему открыли.

– Никак Фирмин? – шепотом спросил Скирон.

– Ага, он, – отозвался Кука, прислушиваясь к крикам. – Зовет тебя в лупанарий к девкам.

– Сукины дети! Это я, Скарабей! – раздалось под окном. – Не откроете – изничтожу.

Тироны, наконец, узнали голос. В самом деле, Скарабей. Кинулись открывать. Опцион сидел под окном на дороге между бараком и стеной лагеря и орал что есть мочи:

– Открыть! Кому сказано! Открыть дверь, дерьмо с арены!

Тироны подхватили его под руки и поволокли в барак. Скарабей извернулся вдруг махнул рукой, как показалось всем, случайно. На самом деле вполне намеренно – ударил локтем в лицо Квинта. Разбил губу.

Не сговариваясь, друзья опциона уронили на мостовую. Потом подняли и снова уронили. Однако в барак доставили и на кровать уложили.

* * *

На другой день после очередной тренировки Молчун попросил у Приска два асса.

– Зачем? Играть хочешь? – спросил Приск.

– В канабу сгоняю, принесу всем вина. Говорят, в винную лавку завезли несколько бочек хиосского.

– У тебя есть пропуск? – удивился Приск.

– Не волнуйся, проберусь. Два асса, и у нас будет фляга хиосского вина, – сказал равнодушно Молчун, глядя куда-то мимо Приска – это была его манера, никогда не смотреть на собеседника и никогда не объяснять, что именно он собирается сделать.

Слово Молчун сдержал.

Вино, разумеется, было не хиосское. Правда, Приск, на своем веку попробовавший не так уж и много вин, не мог определить – какое именно. Но вполне приличное, в меру терпкое и совсем не кислое. Быть может, местное? К слову, совсем не божественное, но приличное.

* * *

Прошло дней десять, а Приск Фирмина так и не видел, да и другие не встречали. Наконец Приск не выдержал и спросил у Марция Марцера, знакомого иммуна, который с первых дней относился к подопечным Валенса с симпатией.

– Фирмин? – пожал тот плечами. – Так он в канабе сидит. Пропивает последние ассы. Где ж ему еще быть?

– Разве так можно? – подивился Приск.

– Отчего нельзя? Заплатил центуриону – и гуляй, пока легат в отлучке. Нонний тем и живет, что любимчиков из своей центурии отпускает прогуляться за определенную мзду. В лагере так и говорят: начался лупанарный рейд.

– И долго Фирмин будет ошиваться в канабе?

– Пока легат на марше. Вернется за час или два до появления Наталиса. Те, кто в походе, непременно вестового пошлют в канабу – там теперь пол-лагеря из оставшихся ветеранов сидит.

Иммун помолчал.

– Вообще-то Фирмин – хотя и не бенефициарий⁵⁸, но обычно выполняет особые поручения. Будь с ним осторожен. Я слышал, он к тебе привязался. Это неспроста.

– Такое поручение от начальства – меня изводить?

– Вполне возможно. У нас на границе тут многое случается. Спроси-ка Валенса, как его хотели украсть и продать в рабство принципалы, когда он был еще новичком.

* * *

Утром, едва взойдя на стены, дневная стража заметила дымы, что поднимались сразу в нескольких местах на востоке. Если утром дымы над развалинами, значит ночью караульные обязаны были заметить пламя пожаров, если не ослепли или если не набрались неразбавленным вином, будто греки. Проспали набег, бездельники!

Запоздало прозвучал сигнал трубы, распахнулись ворота лагеря, и отряды конницы помчались на восток. Да куда мчаться-то! Зачем спешить? И так ясно – ночью даки разграбили, растерзали разом с десятков поместий и уплыли с добычей и пленниками за реку. Значит, ведали, что в лагере не порядок, что уехал легат легиона и увел половину состава в поход.

Мрачные, измазанные сажей и пеплом возвращались в лагерь всадники, связанными везли двоих раненых даков, что отстали от своих, потерялись в темноте. Их заперли в карцере до возвращения легата, но оба умерли к утру.

* * *

Иммун не ошибся – именно все так и вышло, как он предсказывал – сначала кто своим ходом, кто на руках легионных служек, потянулись обратно лагерь притомленные долгим весельем легионеры. Потом, спустя три часа, в ворота вошли запыленные, пропахшие потом и дымом костров легионеры. Служки уже раскопегарили баню, сварили какую-то гадость в котле, которую назвали галльским мылом, и кинулись разносить кувшины с маслом и связки скребков. Новобранцы вместе с лагерной прислугой носили дрова для терм.

---

⁵⁸ *Бенефициарий* – легионер-порученец. Стоял выше простого легионера.

– Теперь будь осторожен, – сказал Приску Марций Марцер, проходя мимо. – Завтра Фирмин проспится. В кошеле – ни асса. Пойдет за данью.

* * *

Но Фирмин не явился ни на завтра, ни через день...

Что неудивительно: Наталис, уловив тонким аристократически носом стойкий запах перегара, плывущий буквально со всех сторон, расвирепел, и отправил оставшихся в лагере легионеров посменно мостить дорогу, наращивать стену лагеря и работать на кирпичный завод. День проходил за днем, а Фирмина все не было видно. Дни стояли жаркие, душные, август заканчивался, из канабы приносили серо-зеленый мелкий виноград, крепкие как камень яблоки и янтарные персики, неведомо как попавшие в эти края. Торговали в лавках на главной улице инжиром, сушеными сливами, капустой. Легионеры выкладывали плиткой новый бассейн для бань, правда, вряд ли в этом году придется поплавать – шли последние дни августа. Да окон казармы изготовили рамы со слюдой. Жизнь менялась медленно и неуклонно, как менялся сам Приск – наливались мускулы на руках, плечи сделались чуть ли не в два раза шире.

Появилась еще напасть – Валенс учил их садиться на лошадь и скакать верхом. В полном вооружении без чужой помощи было это ох как непросто. Малыш, карабкаясь на лошадь, своротил седло на сторону, Квинт просто шмякнулся наземь. Сам Приск не опозорился, но и не отличился особенно. Один Молчун, как выяснилось, умел скакать вполне сносно, зато Тиресий, как только лошадь переходила с шага на рысь, каждый раз оказывался на песке.

Вышел, наконец, из больницы Крисп, и, хотя рука его все еще висела на повязке, принялся тренироваться вместе со всеми – бегать, метать пилум и колоть несчастный столб. Но все же Крисп сильно отставал, однажды даже Валенс и Декстр долго совещались – не перевести ли парня в писцы, долго осматривали покалеченную руку, и направили Криспа назад в госпиталь – но лишь на два часа. Теперь каждый день новобранцу разминал и массирует руку врач-массажист.

* * *

«Долго же он ждал!», – подумал Приск, когда знакомая фигура возникла в просвете между бараками. Упорный, гад.

– Значит, это ты, богатенький Крез, не хочешь с друзьями делиться?! – пробасил Фирмин.

Звякнула сталь, выходя из ножен.

– Знаешь, Крез, у меня разговор с таким дерьмом, как ты, короткий. Чтоб не воняло, дерьмо надобно кровью поливать. Я клеймо ставлю, чтоб другие знали, кто таков. Тогда с друзьями делиться будешь. А коли Валенсу капнешь – оставлю без яиц.

Приск механически сделал шаг назад. Отступать вообще-то было некуда. Как новобранец он был без боевого меча – в ножнах учебная дура, тяжелая и тупая. Приск рванулся в барак. Бегал он резво.

– Не уйдешь! – завопил Фирмин, устремляясь следом.

Приск влетел в первую попавшуюся дверь, пролетел барак насквозь, выскочил через вторую дверь. Здесь развернулся, выдернул из ножен учебный меч и ринулся к стене барака. Прижался, держа меч наготове. Фирмин вылетел следом, не ведая, что его поджидают. Приск изо всей силы нанес удар. Метил по затылку – пришлось по плечам. Учебный меч разлетелся в щепы. Фирмин грохнулся на мостовую. Приск вновь кинулся бежать, запоздало сообразив,

что надо было припечатать подметкой лежащего, бить в поясницу или по затылку – чтоб не встал. И тут Приск налетел на Декстра, ударился об него, как о скалу.

– Куда торопишься, приятель? – хмыкнул тот.

Одет в этот раз белобрысый центурион был еще нелепее, чем прежде: в грязных тряпках, и меч у пояса кривой, фракийский.

Фирмин вскочил и был уже рядом. Красный, злой, будто Цербер. Но трех шагов не добежал. Остановился. Было ясно с первого взгляда, что с Декстром Фирмин связываться не собирался. Он даже малость отступил и указал на Приска:

– Он меня обокрал.

– Тогда разберись! – Декстр обнажил меч, подбросил, поймал и протянул Приску рукоятью вперед.

Кривой фракийский меч. Клинок бликовал на солнце. Заточен на славу.

– Держи!

Приск чуть помедлил и схватил меч.

– Ну, теперь возьми его, Фирмин! – крикнул Декстр, будто натравливал пса.

Фирмин набычился. Несколько мгновений он переводил взгляд с Приска на белобрысого центуриона, потом опять на Приска. Был тут явно какой-то подвох, но какой именно – легионер понять не мог. Так и не сообразив в чем дело, Фирмин ринулся на тирона.

Ожидаемо. Приск подался в сторону, пропуская опасный выпад. Не сделай он этого, Фирмин проткнул бы его насквозь, как цыпленка.

– Чтоб вас... – пробормотал идущий по своим делам легионер, отступая к стене барака. Видимо, хотел добавить «посвятили богам мертвых», да не стал.

Фирмина здорово пронесло вперед, Приск очутился у него за спиной и ударил кулаком в спину, добавляя скорости. Фирмин потерял равновесие и растянулся на мостовой. Будь Приск проворнее, а вернее, злее, всадил бы мерзавцу клинок меж лопаток. Но Приск бить в спину не стал. Фирмин перекатился по мощеной дорожке и вскочил. Отнял у какого-то легионера щит. Вообразил, что теперь его не достать.

– Дерьмо! Да я тебя... – он сделал выпад, Приск отбил.

Новый удар... Опять не достиг цели.

– Коли! Коли! – вопили собравшиеся вокруг легионеры, позабыв, что меч у новичка кривой. – Коли, урод! Трус!

Но вместо этого Приск нанес два удара наискось по щиту, а потом неуловимым обратным движением вспорол Фирмину правый бок. Ветеран заревел, пошел в атаку и вновь кривой клинок впился ему в бок. Фирмин зашатался, отбросил щит, попытался сохранить равновесие, ринулся вперед, и тут Приск полоснул его по горлу. Фирмин стал заваливаться на бок.

– Неплохо, – сказал Декстр бесстрастно. – Ты только что убил легионера.

Фирмин, однако, был еще жив. Он выгибался, пробовал ползти по мостовой.

– Два дня промучается, потом сдохнет, – сказал подошедший к месту драки знаменосец Мурена.

– Что случилось? – толпа легионеров начала редеть, и сквозь неплотную цепочку протиснулся Валенс. Огляделся, смекнул в чем дело. – Что это? Кто дал тирону фракийский меч?

Приск глянул на Декстра, даже дернулся к нему. Тот молчал, закаменев. Валенс заметил. Увидел пустые ножны на поясе Декстра. Кое-что понял. Нахмурился.

– Ты все же устроил это, урод! – прошипел сквозь зубы. – Я же сказал...

– Я был прав, – Декстр самодовольно улыбнулся.

Два капсария на носилках унесли раненого в госпиталь.

– Пошли! – сказал Валенс, глянув на Приска мрачно.

– Куда?

– В карцер. Куда же еще?

* * *

Охраняли тюрьму четверо легионеров. У входа с Приска сняли лорику, ремень с пустыми ножами, велели снять калиги, и в таком виде втолкнули внутрь.

Небольшое, узкое помещение, низкое, так что и не распрямишься как следует, стены облицованы камнем. Одна-единственная дверь, дубовая, обитая медными полосами, запиралась снаружи на засов, и у двери этой всегда дежурил легионер. Единственное узкое окошко под потолком снаружи было прикрытой деревяшкой, так что свет в карцер почти не проникал – только едва теплились в дневные часы бледные полосы по краям, сообщая, – светло на дворе, или уже спустилась тьма. Внутри же всегда было темно.

Когда Приска втолкнули внутрь, он подумал, что в карцере никого нет, что он – единственный заключенный. Его охватил озноб, зубы сами против воли выбили долгую дробь. Он огляделся, отыскивая, куда бы сесть или лечь и, ничего не найдя, опустился прямо на пол.

«Возведи крепость внутри души и обороняй ее до последнего вздоха. Ни чувств, ни желаний. Пусть все несчастья разобьются о камень твоей крепости. Будь несокрушим...» – Голос отца прозвучал в памяти так отчетливо, что Гай вздрогнул.

– Не сиди на полу, помрешь, – раздался из дальнего угла голос.

Приск подскочил.

– К-кто здесь? – спросил он темноту, потому что не видел по-прежнему.

– Я, Кротон... Легионер. Я уже три года здесь сижу.

– Три года... – Приск ужаснулся. – З-за что... – зубы стали клцать уже совершенно невозможно, так актеры изображают страх на сцене. Зрители всегда ржали в такие моменты. Но Приску сейчас было не до смеха.

– Убил одного гада, – отозвалась темнота.

– Я тоже убил, – признался Приск. – И тоже гада.

Арестант зашевелился. Темное на темном – движение скорее угадывалось – медленно проплыло в сторону и вверх, зашелестел набитый соломой матрас, звякнуло железо. Цепь? Этот человек прикован?

– Как звать тебя? – спросил Кротон.

– Приск.

– Тебя не приковали?

– Нет.

– Тут есть второй тюфяк. Можешь взять.

– Где?

– Рядом со мной. Подойди, я знаю, ты добрый мальчик... – голос зазвучал жалобно, льстиво.

Двигаясь вдоль стены, Приск пошел на голос.

– Ну, где же ты? – нетерпеливо спросил Кротон.

Теперь уже обитатель подземелья дрожал так, что стучали зубы.

– Тут, – ответил Приск и остановился.

«Заманивает! Но зачем?..»

За спиной лязгнула дверь. Приск отскочил в сторону и едва не упал.

Вошел легионер с факелом. Карцер осветился. Приск наконец разглядел его обитателя – с серым грязным лицом, с красными слезящимися глазами, обросшего клочковатой, чуть ли не до колен бородой. Он был в каких-то жутких лохмотьях – в таких даже рабы не ходят. Впрочем, ходить ему было некуда: несколько звеньев цепи позволяли сделать чуть больше шага. В углу имелось медное ведро для оправки, чуть поодаль – кувшин с водой.

Никакого второго тюфяка не было.

– Не подходи к нему! – сказал легионер, укрепляя факел в бронзовом держателе. – Загрызет. До середины карцера ему не дотянуться – эта половина твоя. – Легионер махнул рукой, как бы проводя черту.

Пленник дернул цепь, оскалился, обнажая гнилые черные зубы.

Охранник вышел, но тут же вернулся, принес новенький хрустящий матрас и ведро. Потом, со второго захода, кувшин с водой и лепешку.

После чего вышел, оставив горящий факел. По тому, как потрескивала смола, и билось, то вспыхивая, то угасая, пламя, света этого должно было хватить ненадолго. А потом наступит темнота и в темноте – сумасшедший, прикованный к стене цепью. Вдруг у него достанет силы вырвать кольцо? Вдруг это казнь такая...

Казнь без суда?

Приск положил тюфяк как можно дальше от Кротона, взял лепешку, кувшин и принялся есть.

– Поделись хотя бы, – заскулил Кротон.

Приск отломил половину и швырнул в дальний, даже при свете факела почти черный угол. Тонкая рука метнулась белесой змеей, ухватила добычу.

– Хороший мальчик, – донеслось из угла. – Вкусный...

Он так и сказал – вкусный, как будто ел самого тирона. Но, кто знает, может, после трех-летнего заключения арестанту так и казалось. Приска передернуло. По мере того как выгорал факел на столбе и мрак заливал карцер, возрастал и ужас Приска.

* * *

Давно погас факел, за окном стемнело, дверь больше не открывалась, никто не приходил. Приск не ведал, спит он или бодрствует. Иногда ему казалось, что спит, иногда – что это наяву нечто огромное, черное движется в ночи и тянет, тянет к нему руки, но никак не может дотянуться.

– Приск! – раздалось у окна.

Арестант вздрогнул и очнулся. Снаружи, за зарешеченной щелью, мерцал свет.

– Это я, Кука! – послышался громкий шепот.

Приск кинулся к окну, потянулся пальцами сквозь прутья. Ставня с той стороны уже не было.

– Это хлеб, держи! – Кука вложил ему в ладонь завернутую в тряпицу лепешку. – А тут вино с водой и медом. – За лепешкой последовала фляга. – Ты давай, держись. Наталис рвет и мечет, но Валенс за тебя горой.

– Но ведь многие видели, что Фирмин напал первый, а я защищался! Есть свидетели.

– Видели, да... Но Валенс сказал – «Дело не в этом».

– А в чем?

– Не знаю.

– Что будет?

– Не знаю.

– Сколько мне сидеть? Кротон здесь уже три года. – Приск покосился в темноту и невольно отодвинулся – поближе к «своей половине».

– Три? Это он соврал. Всего полгода.

– Всего! – передразнил Приск.

«Тиресий... он ведь предсказывал...», – вспомнил Приск.

– Кука, может, ты слышал, может, кто рассказывал... На Адриана не нападал, случайно, кабан на охоте?

– Ты случайно головой не стучался? Тебя запросто казнить могут, а ты – про Адриана с кабаном.

– Так напал или нет?

– Да, было дело, говорят... Матерый секач чуть нашего красавца не задрал.

– Тиресий что-нибудь сказал после моего ареста?

Кука помолчал, потом выдохнул:

– Сказал. «Надо тянуть время».

«Будь несокрушим», – сказал сам себе.

* * *

И время тянулось, день за днем ничего не менялось. Приск нашел в углу черепок и отмечал на стене палочкой полосу света, когда она сменяла ночную тьму.

Один день, второй, третий, четвертый... Приск спал урывками – стоило смежить глаза, как убивающий всякий сон холод растекался по спине.

Кротон в углу что-то бормотал.

– Они все придут за нами, нас всех уничтожат.

– Кто придет?

– Волки.

На десятую ночь юноше приснились волки, Приск бежал, задыхаясь, перескакивая с камня на камень, оскользался, падал, обдирая ладони и колени. Внезапно вожак прыгнул, впился зубами в плечо, обдав смрадным дыханием.

Приск заорал и рванулся. Почувствовал – наяву кто-то навалился на него, и острая боль раздирает плечо.

Он вновь заорал и принялся изо всей силы бить по телу над ним кулаком (мог бить только левой, правая онемела) – но попадал по спутанным грязным волосам. Бил кулаком, потом – коленом, метя в пах, но проклятый зверь не разжимал хватки. Приск попытался угодить по уху или добраться до шеи, но пальцы запутались в свалявшейся бороде. Приск продолжал вопить что есть мочи – ему казалось, что Кротон уже перегрыз ему все жилы на правом плече.

Наконец распахнулась дверь, карцер осветился, внутрь ворвались два легионера и кинулись на Кротона. Один изо всей силы ударил рукоятью кинжала арестанта по голове. Никакого эффекта. Еще удар. Только третий удар обеспамятел Кротона. Он будто нехотя разжал зубы, его оторвали от добычи и поволокли в угол. Рот Кротона и борода были в крови.

– Вот же задница! Ты только глянь, он парня покусал, точно оборотень...

Не надеясь на цепь (Кротон все же вырвал кольцо из стены), охранники связали Кротона. Один остался, караулить, второй убежал. Приск сел на тюфяк, принялся ощупывать рану. Судя по всему, укусы были неглубокие – все-таки человек кусал, а не зверь, но Кротон буквально изгрыз ему плечо, пока Приск пытался вырваться и звал на помощь. Вся туника была в крови. Откуда у арестанта такая сила? В самом деле оборотень?

Вскоре явились второй охранник с медиком. Кубышка осмотрел Приска, пока охранник держал над ними факел, промыл рану неразбавленным вином, покачал головой и что-то сказал напарнику. Тот опять убежал. Медик тем временем подошел к связанному и поглядел на него.

– Он же ему кусок кожи откусил и сожрал, гад...

– Как заречный волк, те тоже человечину жрут, не гнушаются, – заметил охрипшим голосом легионер.

Приск затрясся – почудилось ему, что в карцере с факелом стоит Фирмин.

– Надо его в госпиталь, но без приказа Наталиса перевести не могу, – сказал медик. – Легат спит. Из-за такой ерунды никто его не станет будить.

Пришлось еще раз промыть рану вином и перевязать здесь же, в карцере. После чего медик ушел, а легионер остался – стеречь пленников. Он сидел у двери, обхватив колени, но стоило Кротону или Приску пошевелиться, тут же поднимал голову. На освещение в этот раз охрана не поспешила – утыкала карцер сразу четырьмя факелами, они шипели, выгорала смола, Приска тошнило, кружилась голова, хотя легионеры сняли снаружи ставень, чтобы хоть немного свежего воздуха проникало внутрь.

Постепенно крошечное оконце за решеткой серело, ночная чернильность утекала, вдруг забарабанил по крыше дождь, и вскоре в углу, в том, где расположился Приск, стала проступать вода. Пришлось подняться и здоровой рукой перетащить тюфяк.

Сменился с ночной стражи легионер, его напарник занял место у двери, принесли пленникам воду и лепешки. Но Кротон был связан, а кормить с ложечки, его, похоже, никто не собирался.

Наконец вернулся ночной охранник, вместе с ним капсарий.

– Легат приказал тащить Приска в госпиталь. А то еще взбесится, как пес, покусанный лисицей или волком. Велел купать его – вдруг у него, как у бешеного, водобоязнь начнется. Тогда точно придется прикончить.

«Хотят убить как бешеную собаку во славу Рима», – зло подумал Приск. Нет, злость плохой советчик. Как и отчаяние, и страх. Будь несокрушим.

* * *

Госпиталь в это время в лагере Пятого Македонского практически пустовал. К арестанту приставили капсария, чтобы он ходил за Приском неотвязно, даже в латрины сопровождал. Кормили в госпитале сытно, но невкусно: разваренная в кашницу курица с бульоном, каша из полбы с маслом и медом. Вино тоже давали с медом, капсарий клялся, что это лучшее вино Италии – фалерн. Вечером к арестанту проникли Кука с Криспом (заплатили денарий, неведомо, где взяли), и втроем они распили положенное Гаю вино.

Вообще комнаты в госпитале были рассчитаны на восемь человек каждая. Но это когда эпидемия косит солдат, или после сражений приходят обозы с ранеными. Сейчас в госпитале народу было мало. А Приск вообще спал один – правда, дверь на ночь запирали.

О том, что с ним будет, Приск запретил себе думать.

* * *

Наконец однажды утром Приска подняли рано, велели вымыться (баня еще не топилась, пришлось обливаться холодной водой), обрядили в тунику из темной некрашеной шерсти и повели из госпиталя.

«Все, суд», – сообразил Приск.

Внутри сделалось пусто и тошно.

Арестанта привели в принципию.

Легат Наталис сидел за столом с мраморной столешницей со свитком в руках, Декстр расположился рядом, будто был легату почти что ровней, и что-то писал на шуршащем папирусном свитке. Когда Приск вошел, Декстр поднял голову, мрачно глянул на тирона и тут же вернулся к своим записям.

«Что ж тут такое...» – мелькнула мысль.

Присутствие Элия Адриана в таблиннии легата было вполне ожидаемо. На то он и трибун-латиклавий, чтобы все время отираться подле легата. Рядом с Адрианом сидел Валенс. Центурион был мрачен, как Юпитер, у которого ревнивая женушка превратила очередную любовницу в корову (Приск обожал «Метаморфозы» Овидия).

В углу за отдельным столиком помещался писец.

– Итак, тирон Гай Острый Приск, ты обвиняешься в убийстве Публия Кация Фирмина.

Признаешь свою вину?

– Нет. Я лишь защищал свою жизнь! – Приск сам удивился, как спокойно звучит его голос. Как будто обвинение относилось не к нему.

– Фирмин на тебя напал? – спросил легат.

– Точно так! – ответил Приск.

Наталис поморщился.

Писец записал вопрос и ответ.

«Целая поэма получится», – подумал Приск. Только чем эта поэма для него закончится? Вспомнился тот парень у столба. Разом вспотели ладони, по спине покатила капля за каплей.

«Нет, этого не может быть. Столб – этого не может быть».

Адриан принялся листать свою записную книжку – такие безделки, сшитые из кусочков пергамента, были среди аристократов в моде.

– Он кинулся на тебя с мечом? – продолжал свой допрос легат.

На лице его застыла брезгливая мина, будто легат смотрел на что-то мерзкое, грязное, но не имел права отвести взгляд.

– Именно так. Я вынужден был защищаться.

– Откуда у тебя боевой фракийский меч? Кто тебе его дал?

– Он появился внезапно из воздуха. Центурион Декстр видел.

Приск чувствовал, что Декстр смотрит на него в упор. Смотрит, но ничего не говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.